

Ю.Ф. Нехорошков

ЛЕГЕНДЫ КОЛЫМСКОГО КРАЯ

Ю.Ф.Нехорошков
ЛЕГЕНДЫ КОЛЫМСКОГО КРАЯ

Содержание

1. Загадка Серебряной Горы.....	3
2. Талисманы юкагиров.....	23
3. Блеск «желтого дьявола» на Охотском побережье	24
4. Где ты, бухта Мивкан?.....	30
5. Жемчуг Охотского побережья	34
6. За «Мечту» пришлось бороться.....	38
7. Загадки окрестностей Магадана.....	43
8. Звон Колымского хрусталя	48
9. История одного заблуждения. Как это было.....	53
10. Как нашли метеорит «Сеймчан»	56
11. Кентавры с Яблонового	60
12. Кто они, хилеры?	64
13. Миф о «Золотой руине»	67
14. Первый поход на Гижигу	73
15. Скифский след в Магадане.....	77
16. Сколько ковчегов было у Ноя?	82
17. Судьба бронзовой монетки	84
18. Тайна гибели натуралиста Ивана Редовского	88
19. Тайна золота острова Завьялова!	91
20. Монстры наших озер	94
21. Ошибка топографов оказалась пророческой	99
22. Легенда о золотом великане	100
23. Золотой самородок с улицы Дзержинского	103
24. В Магадане Ленин стоит на золоте.....	106

Предисловие

В этой книге приведены статьи, заметки и рассказы о таинственных, загадочных и странных местах и событиях существующих или существовавших когда-либо на Северо-Востоке

Азии. Это богатый краеведческий и исторический материал, сведенный в одну книгу, является как бы итогом сорокалетнего труда известного магаданского геолога и краеведа Юрия Федоровича Нехорошкова (7.02.1946-?.07.2007).

Закончив с красным дипломом геологический факультет Саратовского университета Ю.Ф.Нехорошков приехал на работу геологом в поселок Омсукчан Магаданской области и сразу же полюбил Север. Как оказалось, навсегда!

Почти сорок лет он был истинным патриотом и романтиком северного края. Он всегда считал, что его работу на благо России никто за него не выполнит. И это действительно так!

Всю свою жизнь на Севере Юрий Федорович занимался изучением необычных, таинственных и аномальных явлений природы. В 1982 году в литературно-художественном сборнике Магаданского книжного издательства «Ты плюс Мы» был опубликован его первый рассказ «Загадка Серебряной Горы».

Олег Куваев написал о смысле человеческой жизни так: «Думаю, что надо жить так, чтобы люди держали память о тебе бережно, как держат в ладонях трепетную птицу. Если, конечно, ты это сможешь». Мне представляется, что именно этому правилу Юрий Федорович Нехорошков и следовал каждый свой прожитый день.

Владимир Сидорчиков

Загадка Серебряной Горы

Тайна якутских архивов

С постройкой Якутского острога (1632 г.), ставшего вскоре центром Якутского уезда, продвижение русских на северо-восток Сибири намного облегчилось. Все новые отряды служилых людей и промышленников уходили на восток, за Лену для «ясачного сбора и

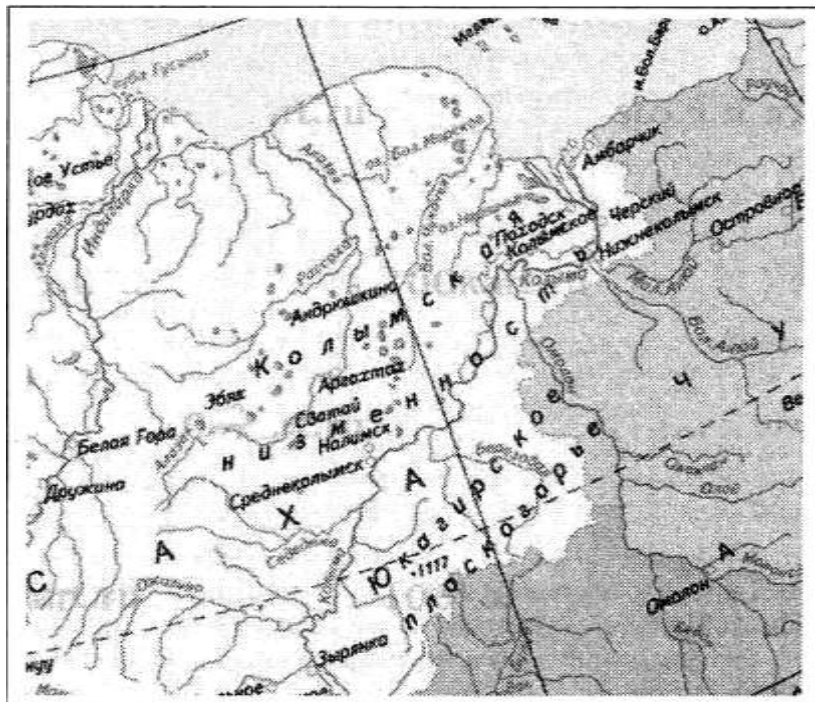
проведывания новых земель». Одни на кочах плыли вдоль морского побережья, другие на лыжах, или используя оленей и собачьи упряжки, а летом — коней, пробирались по речкам вглубь неизвестной страны. Не всем удавалось вернуться обратно. Много смельчаков погибло, умерло от голода и морозов, бесследно пропало в бескрайних снежных просторах. Те, которые живыми возвращались обратно, привозили богатую соболиную казну, «рыбий зуб» (моржовые клыки) и рассказы о новых краях.

После возвращения одного из таких отрядов (1640г.), побывавшего на реках Индигирка и Яна (тогда она называлась Янга), в Якутском остроге разнеслись слухи о богатой «Юкагирской земле». Вот, что писали об этом царю ленские воеводы Петр Головин и Матвей Глебов: «...и в Юкагирской де, государь, земле соболей много, и в Индигирке де, земле соболей много, и в Индигирке де, государь, реку многие реки впали, а по всем де тем рекам живут многие пешие и оленные люди, а соболя и звери всякого много по всем тем рекам и землицам...» Юкагиры представляли в то время многочисленное племя, расселившееся от Яны до Анадыря. В юкагирской легенде, записанной известным этнографом В.Иохельсоном в конце позапрошлого века, говорится, что «юкагирских огней было так много, как звезд на небосклоне в ясную ночь. Перелетные птицы исчезали в дыму юкагирских очагов, и северное сияние было отражением их многочисленных костров». Юкагиры селились небольшими разрозненными группами в устьях крупных рек или охотились в тайге. Юкагирским князькам не по душе пришлось вторжение иноземцев, но организованного сопротивления они оказать не могли. Разве можно было противопоставить стрелы и копья огнестрельному оружию? Как писал историк В. Огороди и ко в, юкагиры еще изумили и лошади, которых они прежде не видели, и в схватках они старались больше убивать лошадей, полагая, что эти животные гораздо опаснее всадников. Но и русским тоже было чему удивляться! «Да у юкагирских людей... серебро есть», — сообщали первопроходцы Посник Иванов и Прокопий Лазарев. В те времена у Русского государства не было своих серебряных месторождений, и необходимое количество серебра для собственных нужд

доставлялось из-за границы. В связи с нехваткой этого металла московский государь разослал по всем владениям наказ искать серебряную руду, а если кто найдет, то «из тех гор сверху и снизу ту руду копать гораздо глубоко и плавить серебро и серебряные руды смотреть, где будет серебро и руда серебряная лутче: сверху или снизу». Поэтому якутские воеводы, узнав, что у индигирских юкагиров есть серебро, срочно сообщили царю и осенью 1640 года опять отправили Посника Иванова «в Юкагирскую землю... для прииску и проведования новых земель и серебряной руды». Но он ничего нового не узнал, и воеводы стали забывать о серебре. Прошло два года. В 1642 году после шестилетнего путешествия по юкагирскому краю в Якутский острог прибыл казачий десятник Елисей Буза. Обычно землепроходцы, обнаружив новые земли, привозили с собой аманатов — заложников из числа местных жителей, чаще всего представителей родовой знати или их детей. Это способствовало своевременному получению ясака. Буза тоже доставил трех юкагиров - Балганчу, Имгонту и Далгунту, которые знали о месторождении серебряной руды. На допросе они рассказали следующее: «...есть де река именем Нерога, а пролегла де та река Нсрога вершиной близко Индигирской реке, ходу де с той реки Индигирской на Нерогу на оленях без вьюков, неделя, и к Янской де вершине та ж река Нерога вершиной прилегла, а от Янской де вершины до той реки Нероги оленного ходу месяц, а пала де та Нерога река в море своим устьем, и на той де реке Нероге от устья морского недалече, в горе, в утесе над рекой серебряная руда, а повыше де той серебряной руды, немного на той же реке живут люди на яру род Натылла, юрты де деланы у них в земле, и у тех де людей серебра много, а люди те пешие, оленей у них и лошадей нет, а река де рыбна добре, и те люди кормятся рыбою».

В то время на Индигирке находился отряд Дмитрия Зыряна, и якутские воеводы направили ему приказ «проведывать накрепко у всех иноземцев», где же находится река Нерога. Но воеводская наказная память с великими полномочиями не догнала Зыряна. Он уже ушел из индигирского зимовья дальше на восток, на Колыму, где и сложил свою голову, оставив потомкам о себе память в нынешнем

названии одного из левых притоков Колымы — Зырянки. Другие казаки, продолжавшие нести службу на Индигирке, стали сами выведывать у местных жителей, где залегают серебряные руды. В 1643 году казак Иван Ерастов допросил юкагирского шамана Порочу, род которого кочевал в верховьях Колымы. Пороча рассказал, что «есть де река Нелога за Колымою впала в море своим устьем. а от той де реки Нелоги от вершины пошла река Чюндона, а впала де та река Чюндона блиско моря в Ковыму реку, вверх идучи по Ковыме реке с левые стороны, а по той же реке снизу живут юкагирские люди, а в вершине и по Каменю (водораздельному хребту) живут акнемила. писанные рожи, и те мужики сходятся с теми людьми, которые люди живут на Нелоге реке, у серебряные руды, а род их, нелоских мужиков, называют натты, и те писанные рожи с ними де торгуют и дерутся, а те нелоские мужики пешие сидячие и серебра у них много, де оне ж нелоские мужики по рекам берут белой одекуй (бисер) в воде». Поясняя рассказ Порочи, Ерастов отметил, что под белым одекуем необходимо понимать жемчуг.

Через два года казак Лавр Григорьев опять допросил шамана Порочу, а затем отдельно другого аманата — юкагира Шенкодея. Переводчиком у них была тунгуска Узберчик. Юкагирские показания ничем не отличались от предыдущих, известных еще Ерастову. Как видно из сопоставления всех рассказов, река Нелога — это та же Нелога, а племя Натылла — натты.

На этом исчерпываются известные нам сведения XVI века о серебре на реке Нелог. Что было предпринято якутскими воеводами для поисков месторождения — неизвестно. В архивных документах многократно упоминаются факты безуспешных экспедиций за рудами и драгоценными камнями, но без связи с неложским серебром. Торговый человек Жданко Григорьев в 1669 году сообщал, что «есть де по той же Ковыме реке и по иным речкам в горах камене лазуревое и красное, и он де Жданко того каменя набрал мешочек и отвез в Москву». Заслуживают внимания сведения иностранных корреспондентов того времени. Шведский дипломат Иоганн де Родес в своем письме от 23 марта 1652 года писал королеве Христине, что якутский воевода Францбеков нашел в прилегающей к Китаю области золото и серебро и даже прислал в Москву пробы. Вроде бы ничего удивительного в этом нет, так как действительно Францбеков помогал Ерофею Хабарову в завоевании Даурии (Амура) с месторождениями золота и серебра. Но в другом письме от 28 апреля того же года Родес информировал о направлении 2000 стрельцов для подкрепления войск Францбекова и нескольких чужестранных офицеров для их предполагаемого путешествия в Америку, а также, чтобы продолжить полное овладение богатой страной, открытой Францбековым. Упоминание Родесом Америки вызывает желание передвинуть место «богатой страны» на Северо-Восток.

В 1726 году в Петербург прибыл якутский казачий голова Афанасий Шестаков, который обратился к правительству с проектом упрочения русского господства на Северо-Востоке. Он же сообщил о наличии в недрах этого края серебряной руды, яшмы и яхонтовой корки. Яхонтами в XVIII веке назывались рубины, но не исключено, что Шестаков имел в виду красные гранаты. Сенат поддержал Шестакова, и в 1727 году он был назначен командующим всего Северо-Востока. Берг-комиссия, к тому времени только что организованная для централизованных поисков полезных ископаемых, в помощь Шестакову направила пробирных дел мастера голландца Семена Гардебола с жалованием 400 рублей в год и трех рудознатцев с екатеринбургских заводов. К сожалению, Шестаков

увлекся мерами устрашения коряков, отказывавшихся платить ясак. В 1730 году недалеко от реки Парень, на речке Егач отряд Шестакова был разгромлен, а сам Шестаков погиб. По всей видимости, Гардебол не участвовал в этой экспедиции, так как имеются его письма сенату о необходимости изучения Курильских островов, датированные апрелем 1731 года и отправленные из Охотска в Петербург.

Заслуживает внимания еще один факт. В XVIII веке в центральной части Верхоянского хребта на реке Эндыбал (бассейн реки Яна) некто Т.П.Кичкин нашел проявления свинцовых руд с богатым содержанием серебра. Уже в то время его начали обрабатывать, и так называемые екатерининские штольни сохранились до сих пор. Серебро из руд выплавлялось тут же, на местном заводе. Из-за большой удаленности от населенных пунктов работы на руднике неоднократно прерывались. Последний раз добычей руд занимался предприниматель А.А.Семенов, выплавивший 200 тонн серебро-содержащего свинца в период с 1915 по 1922 год.

Историки и этнографы ищут реку Нелогу.

Возможно, что мы никогда бы не узнали о серебре на реке Нелога, как, впрочем, и об открытии Семеном Дежневым пролива, отделяющего Азию от Америки, если бы не путешествие академика Г.Ф.Миллера по Сибири (1733-1743 гг.). Хотя и известны крайне отрицательные отзывы М.В.Ломоносова о Миллере, как представителе иностранного засилья в русской науке, тем не менее, роль Миллера не в пример другому его коллеге — академику И.Э.Фишеру в освещении многих вопросов истории и географии Российского государства очень велика. В частности, он привез в Петербург и тем самым спас бесценные документы Якутской приказной избы. До сих пор так называемые портфели Миллера привлекают внимание историков. В середине XIX века многие из документов были напечатаны Археографической комиссией академии наук («Акты исторические», «Дополнение актам историческим»). Через столетие советскими учеными М. Беловым и

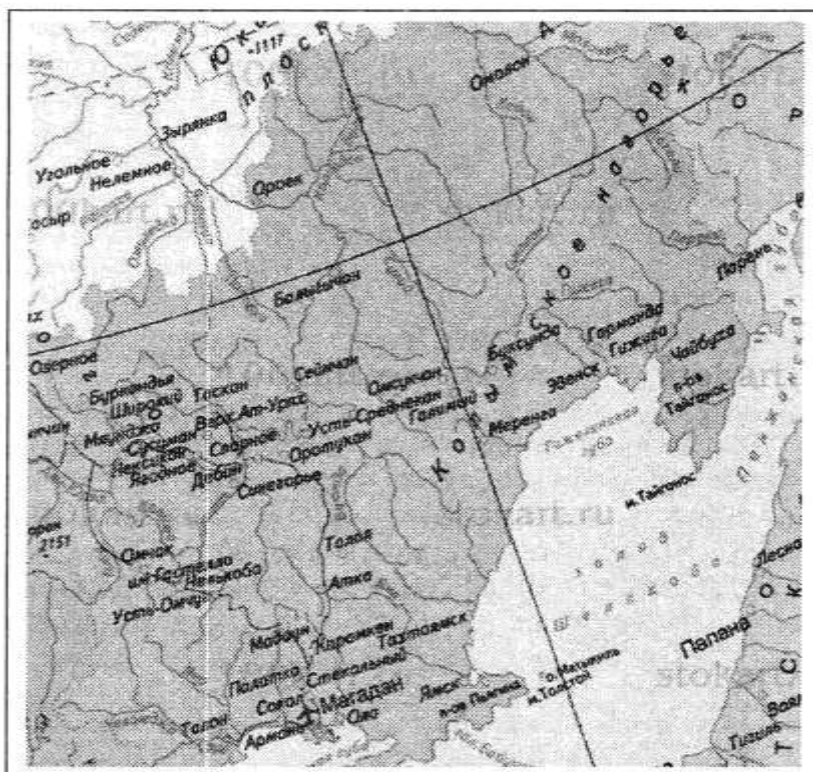
Н. Орловой был опубликован ряд других документов, в том числе и показания шамана Порочи.

Но первыми Серебряную гору стали искать не геологи, а историки и этнографы. Их заинтересовало не серебро, а загадочные племена акнемила (писанные рожи) и натты, обитавшие на неизвестных реках Нелога и Чюндона.

Следует отметить, что топоним Чендон в различных вариантах (Чюндон, Чондон, Чиндон и другие) встречается на старинных и современных географических картах Северо-Востока. Прежде всего, так и до настоящего времени называется река, протекающая между Индигиркой и Яной и впадающая в Северный Ледовитый океан. О ней узнали, по крайней мере, не позднее 1638 года, когда уже знакомый нам Елисей Буза и его товарищи «выплыли на море на усть Чендона реки». Другая река Чендона (Чондон) — впадает в Охотское море и теперь известна под другим названием — Гижига. Первым на ней побывал казак Иван Баранов в 1649 году.

Через два года на Чондон пришел знаменитый землепроходец Михаил Стадухин. Описывая свои походы в челобитной царю, он сообщал: «И с той реки (Пенжина) перешел я холоп твой с товарищи своими на Изигу реку. А по Изиге реке живут многие коряцкие люди, а вверх Изиги ту же реку зовут Чондоном, а живут ходынскиис мужики юкагиры». Топоним Чондон просуществовал больше столетия с момента открытия реки землепроходцами. Потом он постепенно сменился на топоним Ижиги, который в свою очередь, трансформировался в Гижигу. Это название так и закрепилось на современных географических картах.

Сами же коряки забыли древнее имя реки и еще не так давно называли ее Вуйвовзем — «река, на которой стоит крепость». Возможно, что название Чондон распространялось не на всю реку, а лишь на один из ее истоков, как указано на генеральной карте Азиатской России 1825 года. По нему совершали набеги враждебные юкагиры, а затем казаки построили Чондонское зимовье для сбора ясака. Эта речка до сих пор по-корякски называется Ахавеем — плохая река.

Третья река — Чюндона — является, как это видно из показаний юкагира Порочи, правым притоком Колымы. Но где же находится река Нелога?

Над этим ученые начали думать с момента публикации первых архивных документов. Еще составители второго тома «Дополнений актам историческим» (1848) в «Оглавлении наказной памяти Дмитрию Зыряну» указали, что река Нелога впадает в «Северный Океан». Никаких аргументов они не привели. В 1922 году иркутский профессор В. Огородников высказал диаметрально противоположную гипотезу: река Нелога является одной из речек, впадающих в Охотское море, западнее поселка Ола, а род Натылла — ламуты, как тогда называли эвенов. В то же время ученый склоняется к мысли, что охотским эвенам серебро поступало из Приамурья.

В 1938 году этнограф А. Золотарев поддержал В. Огородникова в том, что род Натылла проживал на Охотском побережье. Но ровно через год он высказывает другое предположение: в «наказной памяти...» речь идет о юкагирах, живших на реке Чендона, впадающей в Северный Ледовитый океан между Индигиркой и Яной. В 1939 году историк Н. Степанов показал, что металлы, в том числе и серебро, находившиеся в обращении у юкагиров и ламутов в XVII веке, могли доставляться из районов Китая и Забайкалья. Несколько

позже (1950) он опять вернулся к изучению «наказной памяти Дмитрию Зыряну» и установил, что правильнее читать название рода не «натылла», а «натты».

По мнению ученого, это свидетельствовало в пользу местонахождения реки Нерога на Амуре, где раньше жили натки, предки современных ульчей и нанайцев. К этой точке зрения присоединились этнографы Б. Долгих (1960) и И. Гурвич (1960). Получается, что Серебряную гору надо искать на Амуре? Действительно, в исторических документах встречается много упоминаний об амурском серебре, но это, по всей видимости, не то серебро, о котором рассказывал Пороча и другие юкагиры. Ведь Н. Степанов и его предшественники еще не знали об этих сведениях, которые впервые были опубликованы Н. Орловой лишь в 1951 году.

Независимо от нее, на «расспросные речи» Ивана Ерастова и Лавра Григорьева обратил внимание и М. Белов, изучавший историю освоения Северного морского пути. В 1952 году, комментируя составленный им сборник документов о русских мореходах, а затем в книгах «Семен Дежнев» (1955) «Подвиг Семена Дежнева» (1973), он вернулся к гипотезе, высказанной еще редакторами второго тома «Дополнений актам историческим». М. Белову удалось также найти показания юкагиров, доставленных Елисеем Бузой в Якутский острог. К нашему великому сожалению, ученый не включил этот интересный документ в упомянутый сборник, а ограничился его пересказом. По данным М. Белова, аманаты поведали воеводам о Нероге, впадающей в Студеное море, как в XVII веке называли Северный Ледовитый океан. Оседлое племя наттов, жившее на этой реке, занималось промыслом моржей, а в близлежащих озерах встречается жемчуг.

Анализируя эти и другие сообщения, М. Белов пришел к выводу, что рекой Чюндона следует считать реку Анюй, впадающую в Колыму недалеко от моря. Тогда Нелогой должна быть река Чаун, которая своим верховьем подходит к Анюю. В Чауне водится хариус, и Нелога - «река рыбна». А «хариус» — по-эвенкийски (так у Белова) «ниричан». Это название и дошло до землепроходцев, по мнению М. Белова, в виде Нероги или Нелогии. Каким образом эвенки в XVII

веке оказались в районе Чаунской губы, он не объясняет, но предполагает, что натты — это эскимосы, а «писанные рожи» — юкагиры ходынского племени.

К поискам серебряной горы приступают геологи

Сейчас трудно сказать, что побудило дальневосточного историка С. Баскина в конце 50-х годов прошлого века послать в редакцию одного из геологических журналов статью о месторождении самородного серебра, так часто упоминавшемся в бумагах Якутской приказной избы. Как и М. Белов, С. Баскин пришел к выводу, что Чюндоной следует считать Анюй. Но река Нелога не Чаун, а Большая Бараниха, в настоящее время известная под чукотским названием Раучуа, тоже имеющая общий водораздел с Анюем. Рукопись С. Баскина была прислана магаданским геологам.

Но в тогдашнем Северо-Восточном геологическом управлении уже была заявка жителя Одессы В. Уварова о «Пилахуэрти Нейка» — загадочно нетающей мягкой горе, по всей видимости, из чистого серебра, находящейся на Анадырском хребте. Мы не будем останавливаться на приключениях Уварова на Чукотке в 30-х годах. Об этом достаточно много писал Олег Куваев. Лишь отметим, что название Серебряной горы — «Пилахуэрти Нейка». о которой слышал Уваров, скорее всего чукотское или корякское, чем эвенское (ламутское). Ведь это по-чукотски и по-корякски «ней» означает гору.

В те годы магаданские геологи уже высказывались о возможном наличии серебряных руд на Северо-Востоке, исходя из исторических предпосылок. Однако заявка Уварова, основанная на слухах, не могла направить поиски на конкретные места. Поэтому предпринятые походы за Серебряной горой, в которых участвовал Уваров, не увенчались успехом. Сомнения высказывались и в отношении заявки Баскина. В частности, геолог А. Сидоров в рапорте начальнику управления И.Е. Драбкину писал, что если Серебряная гора и существует, то меньше всего шансов найти ее там, где указывает Баскин. Впоследствии Сидоров стал крупнейшим специалистом по

золотосеребряным месторождениям, доктором геолого-минералогических наук.

Постепенно «бум» с Серебряной горой стал утихать. Лишь иногда самодеятельные геологи посещали Чукотку в надежде напасть на след горы из чистого серебра. Не избежал этого соблазна и Олег Куваев. К сожалению, в своих публикациях он привел неверные сведения, что серебро добывали «писанные рожи», жившие на Чендоне, левом притоке реки Колыма. На самом деле Чендон — правый приток Колымы, а добычей серебра занимались натты, жившие на реке Нелога.

Была ли она на самом деле?

Сомнения в существовании Серебряной горы высказывал историк М. Белов. Вот его доводы. Во-первых, юкагиры, используя легенду о серебре, хотели отвести землепроходцев от своих земель. Во-вторых, сами казаки, желая заинтересовать якутских воевод и получить денежные средства на организацию походов, приукрашивали свои донесения. В-третьих, М. Белов не мог знать о перспективности Северо-Востока Азии на серебро, и поэтому о серебре в районе Чауна, по мнению Белова не могло быть и речи. Наконец, сами юкагиры могли спутать серебро с каким-нибудь другим блестящим светлым металлом или минералом (молибденитом или антимонитом), а подобные случаи уже отмечались в истории. Завоевая Анголу, португальские колонизаторы усиленно искали серебряные руды, о которых слышали от местных жителей. Когда все же нашли, то оказалось, что это оловянные, а не серебряные руды.

Признавая правомерность суждений М. Белова, мы всё же не можем согласиться с его сомнениями в отношении существования Серебряной горы. Все юкагирские показания о серебре удивительно близки, и каждое последующее является более точным. Аманаты допрашивались отдельно друг от друга в разное время, и поэтому их сговор исключается, да и вряд ли казаки использовали гуманные методы допроса. «Жесточью расспрашивать» приказывали якутские воеводы Дмитрию Зыряну. Называя неверное месторасположение

Серебряной горы, юкагиры не отводили казаков от своих земель. Наоборот, эти предполагаемые места, пусть это будет Чукотка или северная часть Охотского побережья, находились в пределах исконной «Юкагирской земли», или, по крайней мере, пути к серебру проходили через нее. Народы Севера широко применяли минералы и горные породы в быту. Природные окислы железа и киноварь (сульфид ртути) использовались в качестве краски, иногда в пищу потреблялась так называемая съедобная глина, обладавшая сладким вкусом, из минералов и горных пород с высокой твердостью (кремнь, вулканическое стекло) изготавливались орудия труда.

Первый юкагирский ученый Н. Спиридонов упоминал, что талисманом удачи и богатства у юкагиров считались горный камень кубической формы (по всей видимости, это были крупные кристаллы пирита — сульфида железа, замещенного окислами железа), осколки «громового топора», то есть метеорита, круглое яйцеобразное золото, которое находили в гнезде орла.

Юкагиры и другие северные народности не могли спутать серебро с каким-либо металлом или минералом. Они считали его самым красивым, точно так же, как североамериканские индейцы почитали медь. А все факты говорят о том, что народы Северо-Востока Азии познакомились с употреблением металлов задолго до прихода сюда землепроходцев и, по всей вероятности, даже знали горно-металлургическое производство.

В 1647 году якутский воевода Василий Пушкин сообщал: «А как, государь, мы холопы твои приехали на великую реку Лену в Якутский острог, и у иноземцев якутов их якутское дело железо есть самое доброе, а плавят де, государь, они то железо из камня...». Якуты умели выплавлять не только железо. В 1896 году инженер Э. Коверский сообщал, что на некоторых речках якуты добывают руду с последующим извлечением меди, свинца, серебра.

К этому стоит добавить еще и сведения М.Я. Струминского (1948), который писал, что в Верхоянском округе бродячие племена в горах выплавляли олово. Хотя известным этнографом В. Йохельсоном и записана в конце XIX века легенда о русских, впервые доставивших юкагирам ножи и топоры, все же юкагиры с кузнечным мастерством

познакомились намного раньше. Так, в челобитной юкагиров 1657 года о побоях и насилиях служилого человека Григория Татаринова упоминался юкагир кузнец Паланда.

Но если якуты и юкагиры первыми стали знакомиться с русским бытом, и это в какой-то мере оставляет лазейки для утверждения о неумении северных народностей обращаться с металлом, то кузнечное мастерство пареньских коряков никак нельзя связать с проникновением русских на Северо-Восток. Интересно, что коряки называли серебро «легко продающимся железом».

Из топонимики известно, что названия гор (оронимы) существуют длительное время и даже при заселении другими народами сохраняются в старом виде или переводе на новый язык. В Омсукчанском районе Магаданской области одна из высоких вершин хребта Гыдан называется Хэл Урэкчан, что с эвенского переводится как «Железная гора». Возможно, что точно так же эта гора именовалась у коряков и юкагиров, живших здесь до прихода эвенов. Почему она получила такое название — неизвестно, но выходы магнетита — руды на железо в районе этой горы установлены. Кстати, и топоним «Чендон», как нам сообщил юкагирский писатель Семен Курилов, можно перевести с юкагирского языка как «Железная».

Этническое сходство коряков и чукчей с индейцами Северной Америки не вызывает сомнений. Последние, находившиеся на той же ступени экономического развития, что и народы Северо-Востока Азии, умели не только изготавливать орудия и украшения из меди, но даже находить и обрабатывать медные месторождения (знаменитая река Медная или Коппер на Аляске).

Приведем еще один факт, подтверждающий знакомство народов Севера с горно-металлургическим производством. При изучении древнекорякского поселения Атарган (Охотское побережье) кроме находок металлических изделий установлены отходы металлургического производства — шлак, о чем неоднократно писал магаданский археолог Р. Васильевский.

Каждый школьник знает, как трудно получить металлическое железо или олово из природной руды. Но если жители Северо-

Востока умели это делать, то выплавить серебро им было намного легче.

По всей видимости, умением выплавки серебра из руд и его обработки владели и жители реки Нелога. Историк В. Иванов, рассматривая вопрос о кузнечном деле у якутов XVII века, приводит следующие выдержки из расспросных речей известных нам юкагиров Балганчи, Имгонты и Далгунты о металлургии на реке Нелога: «А в огонь-де оне то серебро кладут же, в том-де они серебре делают круги серебряные...»

Возвращаясь к архивам...

При изучении топонимов (географических названий) Северо-Востока с проблемой Серебряной горы пришлось столкнуться и мне. Сначала меня интересовали лишь топонимы «Чендон», «Нелога», «Пилахуэрти Нейка». Затем я стал собирать все сведения о её возможном местонахождении. В конечном итоге загадка Серебряной горы стала истоком моего увлечения краеведением. В какой-то мере у меня выкристаллизовывалось собственное мнение о местонахождении Серебряной горы, которое я и попытаюсь изложить.

Отправным пунктом для поисков реки Нелога являются расспросные речи юкагира Порочи, сообщившего о её местонахождении. К счастью, в этих показаниях содержатся ценные сведения о географии и топонимике бассейна Колымы. Пороча, рассказывая о реках, впадающих в Колыму, выделил Чюндону тем, что она «река велика» и впадает справа в Колыму недалеко от моря. Нетрудно увидеть, взглянув на карту Северо-Востока, что самым крупным правым притоком Колымы является Омолон, который действительно впадает недалеко от колымского устья. Длина реки Омолон составляет 1114 км, что намного больше длины Анюя (758 км). Но почему же Пороча вообще упомянул этот достаточно крупный приток Колымы — Анюй, впадающий чуть ниже Омолона? Объяснение этому можно найти в этнической истории народов Северо-Востока. Юкагир Пороча кочевал со своим родом в верховьях Колымы, а верхнеколымские юкагиры враждовали с нижне-

колымскими. Обособленное развитие верхнеколымских (таежных) и нижнеколымских (тундренных) юкагиров даже привело к существенным отличиям двух диалектов юкагирского языка. Пороча просто мог и не знать о существовании реки Анюй, но зато ему было хорошо знакомо верховье Колымы и Охотское побережье.

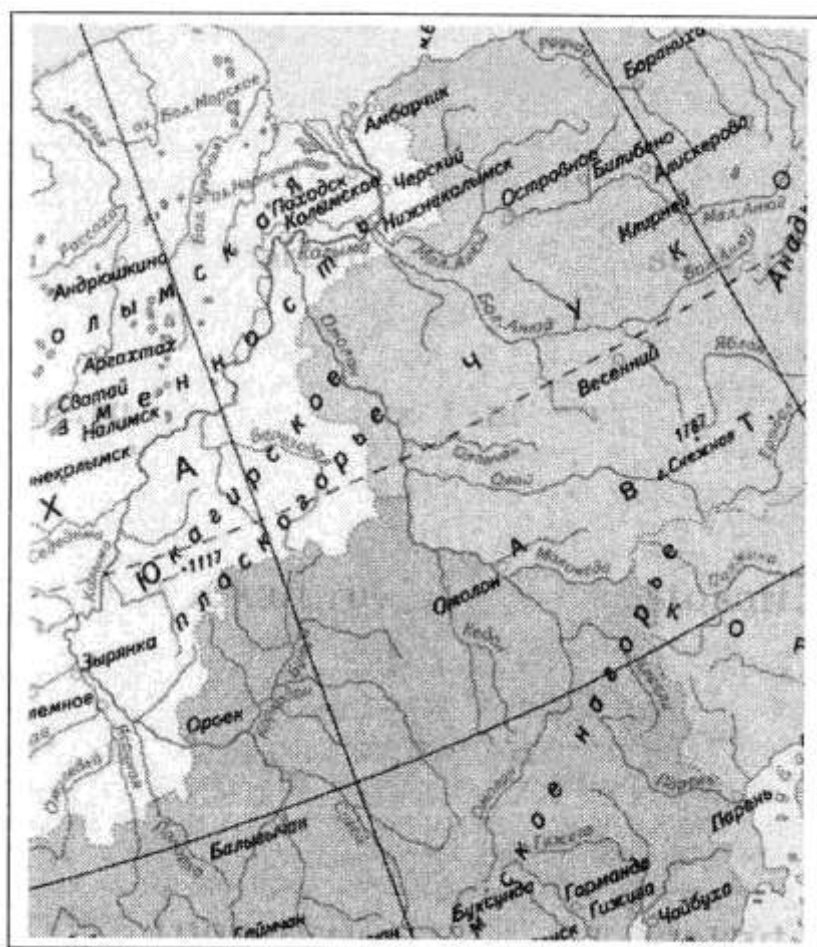
Таким образом, рекой Чюндона следует считать Омолон, а не Анюй. Мы уже отмечали, что «Чюндона» с юкагирского языка переводится как «Железная», и действительно в бассейне Омолона известны многочисленные проявления железных руд. Впоследствии юкагиры стали называть эту реку Омолон, что в переводе юкагирского филолога Г. Курилова, брата писателя С. Курилова, означает «Хорошая река». Землепроходцы же долгое время называли эту реку по-другому. Якутский казак Иван Михайлов Хворый в 1669 году в послании воеводе Ивану Борятинскому давал такое пояснение: «Был я Ивашка послан из Якутского острога на государеву службу на Омолон реку, а по-русски на Блудную».

Далее из расспросных речей Порочи следует, что река Нелога сходится вершиной с Чюндоной. Общий водораздел с верховьями Омолона имеют несколько рек, впадающих в Охотское море: Наяхан, Гарманда, Гижига и Парень. Одна из них, по всей видимости, и называлась в XVII веке Нелогой. Наш вывод о местонахождении реки Нелога на Охотском побережье, казалось бы, противоречит показаниям юкагиров, доставленных Елисеем Бузой в 1642 году. По их сведениям, река Нерога (Нелога) впадает в Студеное море, где натты промышляют моржей.

Во-первых, эти факты даны в интерпретации казаков, географические знания которых были весьма неопределенными. Сам Елисей Буза искал реку Охота, или, как тогда ее называли. Лама, которая, по тем представлениям, впадала в Северный Ледовитый океан. Хотя отряд томского казака Ивана Москвитина и достиг побережья Охотского моря еще в 1639 году, об этом открытии стало известно лишь после отписки казака Нехорошки Колобова (1646). Таким образом, под Студеным морем в XVII веке могли понимать любой холодный бассейн, в том числе и северную часть Охотского моря, для

которого характерны черты термического режима арктического моря.

Инженер Э. Коверский в 1896 году писал следующее: «Плавание по Охотскому морю представляет большие опасности во всякое время года. Весной и летом там господствуют непроницаемые туманы, а осенью — жестокие, губительные штормы, налетающие с ужасающей неожиданностью с холодного севера. Благодаря морозу, водяные брызги, срывааемые ветром с вершин пенистых волн, мгновенно замерзают и заполняют воздух при ясном небе тучами крупного града. Осеннее плавание Охотским морем страшно даже для современных паровых судов».

Во-вторых, в XVII веке моржи обитали и в Охотском море. Тогда моржовые клыки экспортировались за границу, поэтому московский государь интересовался моржовыми лежбищами. Вот что сообщал царю в 1652 году якутский воевода Иван Акинфов: «На моржовом мысу от Охотска к Мотыхлею много моржей... да с усть де, государь, Мотыхлея реки в виду острова, а по сказке де, государь, тунгусов, что на тех островах зверя моржу ложитца много ж». В 1668 году другой

воевода — Иван Борятинский, информируя царя о коряках, живших на Охотском побережье вблизи реки Ола, писал: «а стрелы де, государь, у них деланы из моржового зуба!» Находки моржовых клыков также отмечались и при раскопках древнекорякского поселения в устье реки Наяхан.

Надо полагать, что в XVII веке моржей быстро уничтожили из-за клыков. Может быть, в результате мер по охране природы моржовые стада опять вернутся на прежние лежбища. Ведь приплыли же к восточным берегам Камчатки моржи, которых истребили здесь в начале прошлого века. А пока лишь изредка видят моржей в Охотском море.

Аманаты, доставленные Елисеем Бузой, говорили, что от Индигирки до Нелог можно добраться на оленях без вьюков за неделю, а если от Яны начать свой путь к Нелогу, то потребуются целый месяц. Посмотрим, не противоречат ли эти сведения предполагаемому местонахождению реки Нелог на севере Охотского побережья. Для этого воспользуемся теми данными, которые приводит Н.И. Спиридонов. Он писал в статье о юкагирах Колымы (1930), что олень в малоснежное время проходит в день 8-20 кес, то есть 80-200 километров. Иными словами, за неделю можно вполне дойти от Индигирки до севера Охотского побережья и пригнать стадо оленей для обмена на серебро. Быстрому продвижению могло способствовать и удобное расположение реки Колымы и ее притоков. Другое дело, если двигаться к Нелогу от верховий Яны, где преобладает труднопроходимая горная местность. На такой путь потребуется значительно больше времени, может быть, целый месяц, как поясняли аманаты.

Но, пожалуй, наиболее веским аргументом в пользу местонахождения реки Нелог на Охотском побережье является жемчужный промысел, которым занимались натты. Пресноводные жемчужины не встречаются на побережьях ни Восточно-Сибирского, ни Чукотского морей, но зато наблюдаются на берегу Охотского моря. Хотя современные биологи установили присутствие жемчужниц только на Амуре, Сахалине и Камчатке, исторические документы свидетельствуют о более широком распространении

этого моллюска. В 1667 году Иван Ермолин прислал первые жемчужины, обнаруженные им на реке Чондон (Гижига). Через два года он сам доставил в Якутск жемчугу весом в 18 золотников (один золотник равен 4,27 грамма). Несколько раньше стало известно о жемчуге рек Кухтуй, Охота, Тауй. В 1741 году командир Охотской крепости Дивьер на берегу моря собрал 28 золотников жемчуга. О жемчуге также писал и натуралист И. Редовский, изучавший север Охотского побережья в 1806-1807 годах: «...около станции Наяхан встречается жемчуг в раковинах».

Таким образом, местонахождение реки Нелога именно на севере Охотского побережья можно считать вполне возможным.

Остается выяснить, что за племена обитали на реках Чюндона и Нелога. Из расспросных речей Порочи следует, что на Чондоне (Омолон) жили юкагиры, а на «Камени» (Охотско-Колымский водораздел) обитали «писанные рожи». Последними, скорее всего, были коряки, которые являлись южными соседями юкагиров в XVI-XVII веках. Обычай татуировать лица у коряков отмечали К. Дитмар и другие исследователи. У олюторских коряков он сохранился до недавнего времени.

Но кто же такие натты? По всей видимости, на севере Охотского побережья существовало неизвестное для этнографов оседлое племя, жившее рядом с коряками. Если оно здесь проживало, то должны остаться следы его обитания. И судя по тому, что натты знали горно-металлургическое производство, они находились на достаточно высокой ступени культурного развития. Это должно было оказать влияние на окружавшие их народы. Археолог Р. Васильевский, изучавший происхождение и древнюю культуру коряков, считает, что на формирование корякской этнической общности существенное влияние оказали народы Приамурья.

Издавна Охотское побережье являлось наиболее удобным путем миграции народов. Когда-то на Охотском побережье в районе Тауйской губы жили эскимосы. Этот вывод сделал этнограф И.С. Вдовин на основании географических названий. Так, по его мнению, название «Омахтон» образовалось от эскимосского слова «имахлъяк» — шторм, а «Мотыклей» — от «мытыхлъяк» — ворон.

Впоследствии коряки потеснили эскимосов далеко на северо-восток. В свою очередь, за лучшие пастбища, охотничьи и рыбные промыслы с коряками стали воевать юкагиры, а затем — эвены. Эвены же пришли из Приамурья, и не исключено, что приамурские народы не один раз бывали на севере Охотского побережья. Так по утверждению монгольского историка и писателя И. Ринчена, в X веке монголы совершали походы чуть ли не до Ключевской сопки на Камчатке. Значительно позже, во времена разгрома государства чжурчжэней монголами в XIII веке, одно из племен ушло в сторону Камчатки, и Чингисхан даже посылал за ними погоню. Об этом нам сообщил амурский краевед С. Козловский.

В отписках русских землепроходцев, побывавших на Амуре, упоминались натты, предки современных ульчей и нанайцев. Уже сходство этнонимов: натки и натты (на это впервые обратил внимание историк Н. Степанов) вызывает предположение о родстве этих групп. И, вероятно, какое-то племя натков продвинулось далеко на север Охотского побережья и оказалось среди коряков. Натки (натты) принесли с собой наиболее высокую культуру: знание горно-металлургического производства, умение строить подземные долговременные жилища и своеобразно орнаментировать орудия охоты и предметы быта. И тогда становятся объяснимыми и находки в древнекорякских поселениях Охотского побережья: монет, имевших хождение в государстве чжурчжэней, и присутствие железных предметов среди каменных орудий неолитического облика, и наличие отходов металлургического производства в древнекорякском поселении Атарган, и умение пареньских коряков обрабатывать металл. Натки (натты) могли жить только на Охотском побережье, и это является еще одним доказательством принадлежности реки Нелога к бассейну Охотского моря.

Но ареал предполагаемого нахождения Серебряной горы оказался очень обширным. Практически сюда входят бассейны рек, впадающих в Охотское море и имеющие общий водораздел с верховьями Омолона. Для более конкретного определения местонахождения Серебряной горы обратимся к эвенской

топонимике, которая является наиболее поздним пластом в топонимике бассейнов Колымы и Охотского моря.

Из учения о полезных ископаемых известно, что месторождения цветных металлов сопровождаются обильными выделениями кремнезема в виде кварца. Эвены хорошо знали этот минерал, так как применяли его для своих хозяйственных нужд. Они называли кварц «бур». Наиболее красивые камни (с яркой цветовой окраской или прозрачные, с хорошей природной огранкой, с красивыми текстурами) эвены собирали для украшений и детских игр. Особо ими почитался черный кварц (морион), или, как его называли, царский кремь (тэгмэди бур). Места, где встречался красивый кварц, эвены называли «буркат». Поэтому топонимы с основой «бур» или «буркат» можно считать косвенным поисковым признаком на присутствие месторождения.

И это подтверждается на практике. Один из ручьев, впадающий в Буюнду (правый приток Колымы), носит эвенское название Буркат, правда, трансформированное в последние годы в Буркот. Здесь же в аллювии (речных наносах) встречаются топазы, горный хрусталь, морион, кристаллы касситерита (оловянного камня). Судя по газетным сообщениям, на этом ручье старательская артель успешно справлялась с намывкой оловянного концентрата. Можно прогнозировать наличие месторождений и в других местах, где известны подобные топонимы, например, в бассейнах рек Бохапча и Сугой.

В ареале предполагаемого местонахождения Серебряной горы тоже известен такой топоним. На водоразделе рек Наяхан и Гарманда находится гора Буркатынджа, что с эвенского переводится как «большая гора, состоящая из красивого кварца». Недалеко от этой горы протекает Омолон, где в 1959 году (еще до бума с Серебряной горой) работал омсукчанский геолог Ю. Толстихин, которому пастухи-эвены рассказывали о находящемся поблизости месторождении серебра. Возможно, речь шла о легендарной горе.

Необходимо отметить, что о возможности нахождения Серебряной горы в районе рек Наяхан и Гижига высказывался еще и А. Авдеев,

наш ветеран-геолог (см. «Магаданский комсомолец» от 6 июня 1970 г., «Магаданская правда» от 23 апреля 1978 г.).

Возможность наличия Серебряной горы именно здесь не противоречит представлениям геологов о полезных ископаемых. Еще не так давно горная промышленность Северо-Востока основывалась на «трех китах» — золоте, олове и вольфраме. Теперь к ним прибавилось и серебро. Убедительным примером этому является рудник «Дукат», где серебро встречается не только в соединении с серой, но и образует самородные выделения в виде дендритов, как в породе, так и во льду (вспомним рассказы юкагиров о серебряных сосульках). По всей видимости, самородное серебро достаточно устойчиво и, как золото, может накапливаться в горных наносах. В музее Северо-Восточного производственного геологического объединения хранится самородок, найденный в районе реки Коркодон. В мировой практике известны находки и очень крупных выделений самородного серебра. Например, в местечке Ханерсильо (Чили) была обнаружена плита весом 1420 килограммов. Не исключено, что в легендарной Серебряной горе серебро встречалось в виде самородков. Тогда для получения изделия кузнецу достаточно лишь нагреть его и ковкой придать ему любую форму. Можно было выплавить самородное серебро из породы даже на костре.

Талисманы юкагиров

Древние жители Северо-Востока, постоянно соприкасаясь с природой, фиксировали в своей памяти необычные явления. В их легендах можно найти отголоски событий, происшедших в далеком прошлом. К примеру, юкагиры считали, что мамонты погибли в результате потопа. Пока еще никто из современных ученых не обратил на это внимание. Всяким редкостям, обнаруженным в тайге, придавалось определенное значение. Были у них и камни-талисманы удачи и богатства, о которых упомянул в 1930 году первый юкагирский ученый Николай Спиридонов в статье, посвященной одулам, как тогда себя называли юкагиры.

Он назвал три таких камня: осколки громового топора, то есть метеорита, золото яйцеобразной формы и черные кристаллы кубической формы. То, что метеорит почитался у древних юкагиров, не вызывает вопросов. Само падение камня с неба — уже событие знаменательное, а собранные обломки металла можно было легко обработать и изготовить орудие труда. Но, возможно, осколкам метеорита придавались и какие-то волшебные свойства.

Юкагиры, конечно же, знали о золоте, но оно не имело особого значения, так как не использовалось в быту, разве что на изготовление блесен. В качестве украшений им больше нравилось серебро. А вот находка золотого яйца, да еще в гнезде орла, несомненно, вызывало предчувствие каких-то удачливых моментов в жизни древнего охотника.

Но вот черный кристалл кубической формы — загадка. По всей видимости, речь шла о крупных кристаллах. Обычно в виде кубов встречается пирит, но этот минерал золотисто-желтого цвета. Однако пирит при окислении часто замещается гетитом. При этом форма куба сохраняется и образуется так называемая псевдоморфоза, состав меняется на окись железа, а цвет кристалла становится черным. Такие кубические кристаллы черного цвета размером до 5 сантиметров мне приходилось находить на полуострове Пьягина. Возможно, подобные кристаллы попадались и древним охотникам.

Блеск «желтого дьявола» на Охотском побережье

О геологических экспедициях Сергея Обручева и Юрия Билибина, результаты которых привели к открытию огромной золотоносной провинции, написано много. Но то, что впервые поиски золота были поставлены на Охотском побережье будущей Магаданской области и намного раньше, чем на Колыме, известно немногим.

А все началось в середине XIX века с идеи соединить телеграфной связью Америку с Европой. Первоначальный вариант перебросить кабель по дну Атлантического океана окончился неудачей. Тогда организуется Русско-американская компания по прокладке

телеграфной линии через Аляску и Сибирь до Иркутска, самой восточной точки телеграфной системы России того времени. Об этом узнал двадцатилетний телеграфист Джордж Кеннан, и он договорился с директором компании генералом Стейджером о своем участии.

В период с 1865 года до 1867 года была исследована трасса будущей линии: от Берингова пролива до Амура. Для строительства линии было заготовлено 15 тысяч столбов. Не последнюю роль в работе компании сыграл и Джордж Кеннан. Так, о «бараках Кеннана» на Чукотке в свое время писал Олег Куваев. Но после того, как вторая попытка прокладки телеграфной линии через Атлантический океан завершилась успехом, Русско-американская компания свернула свою деятельность, и в октябре 1867 года американское судно «Онуард» забрало из Охотска иностранных участников прокладки телеграфной линии через Северо-Восток. Только Кеннану и его трем товарищам показалось мало приключений, и они отправились через Сибирь в Санкт-Петербург, а затем в США.

Впоследствии Джордж Кеннан еще неоднократно будет приезжать в Россию, станет известным публицистом и будет резать правду-матку о политических репрессиях в царской России. Но вернемся к его первому путешествию.

Возвратившись в США в 1868 году, Джордж Кеннан выступает с лекциями о своих приключениях в России, а через два года издает свою первую книгу «Кочевая жизнь в Сибири». Отметим, что у него на родине она переиздавалась около двадцати раз и три раза — в дореволюционной России. К сожалению, в нашей областной библиотеке ее нет. Впервые я познакомился с нею в библиотеке Иркутского университета еще тридцать лет назад и нашел много интересных сведений о Северо-Востоке. Но, живописуя свои перипетии, связанные с прокладкой телеграфной линии, Джордж Кеннан почему-то умалчивал о другой стороне деятельности компании, а именно о том, что она занималась поисками золота на российской стороне. Возможно, он был связан подпиской о неразглашении деятельности компании.

Когда стало ясно, что строительство линии прекращается и компания ликвидируется, один из руководителей, майор Абаза, уезжает в 1867 году в Санкт-Петербург, а лейтенант Арнольд остается в Ямске. Обратите внимание на воинские звания сотрудников компании и запомните их фамилии. В частности, фамилия Абаза¹ странным образом всплывает в 1870 году в Охотском горном округе, где фирма «Балашов, Абаза и К^о» делает заявку на отводы земель на полуострове Пьягина. Для их точной географической привязки используются названия мысов и урочищ этого полуострова. Например, мыс Япон (ударение на первом слоге). К японцам это название не имеет никакого отношения.

Приблизительно так на корякском и чукотском языках назывались места на побережье, где можно наблюдать за приближением стада китов, дельфинов и моржей. Но в характеристике мест отводов упоминается еще и мыс Янки-дуды, название явно американского происхождения. Топоним Япон так и сохранился на современных географических картах, а вот топоним Янки-дуды исчез. Где он находился, мы так и не узнаем, так как материалы Охотского горного округа сгорели в Николаевске-на-Амуре во время выступления в 1920 году анархиста Тряпицына. Тогда же и погиб горный инженер С.Л. Бацевич, речь о котором пойдет чуть позже.

Но вернемся к заявке на отводы земель. Всего было выделено семь отводов, зарегистрированных под русскими названиями, а вот цель выделения горных отводов была искажена, якобы под «серебряные прииски». Это, наверное, было сделано специально, чтобы не привлечь внимания конкурентов. Сколько лет просуществовала компания — неизвестно. Следы ее деятельности (застолбленные участки, шурфы) в конце 50-х годов XX столетия видел археолог Р.С. Васильевский в районе речки Иткилан. Так или иначе, но это

¹ У читателя может создаться впечатление, что упомянутый «майор Абаза», таким образом, исполнял роль некоего «американского шпиона». На самом деле Сергей Савич Абаза (род. 2.02.1833 г.) — коллежский ассessor (что соответствует чину майора в пехоте), Секретарь двора Е.И.Выс. Вел.Кн. Елены Павловны. В этой Телеграфной экспедиции он был не только начальником всего российского отряда, но и представителем российского правительства, т.е. выполнял скорее «контрразведывательные» функции. Его отъезд в Петербург в 1867 году была обусловлена как раз тем, что он намеревался убедить правительство продолжить проект телеграфной линии, которая была нужна России, даже взяв на себя обязательства прокладки линии на американском континенте (по Аляске, которая в том же году была продана США). — *прим. OCR.*

были первые поиски золота на Северо-Востоке. На знаменитых охотских приисках они начались позднее.

В 1887 году неизвестный немецкий проспектор безуспешно пытался докопаться до богатой россыпи в районе Охотска, где впоследствии появился прииск «Немкин». Потом поисками охотских россыпей в конце XIX века занималась Охотско-Камчатская горная экспедиция геолога К.Н. Богдановича. Но широкомасштабные работы начались лишь после начала в 1912 году прокладки телеграфной линии Охотск-Якутск. Применяя передовой американский опыт, вынутый грунт при рытье ям под телеграфные столбы стали промывать. Обнаруженное золото и дало начало «золотой лихорадке», описанной в многочисленных книгах.

Однако вернемся к полуострову Пьягина. Как упоминалось ранее, лейтенант Арнольд остался в Ямске, где, по всей видимости, находилась и база фирмы «Балашов, Абаза и К^о». Официально он занимался торговыми операциями по снабжению товарами местного населения. Однако ороц Данилов в 40-х годах XX столетия рассказывал геологам, что его отец работал у Арнольда, который завозил снаряжение на полуостров Пьягина в районы речки Ольховка, мыса Япон и бухты Пронкиной.

Зимой 1896-1897 гг. по Охотскому побережью будущей магаданской области прошел Н.В. Слюнин, врач Охотско-Камчатской горной экспедиции К.И. Богдановича. С именем Слюнина связана другая тайна, имеющая отношение к «желтому дьяволу». По словам жителей поселка Сиглан, он якобы в 1913-14 гг. нашел золото на речке Халанчига, левом притоке реки Сиглан, но сопровождавшим его тунгусам запретил об этом рассказывать, и он так их запугал, что и через много лет они продолжали отмалчиваться. Здесь много неясностей. Во-первых, он путешествовал намного раньше. Может быть, он еще раз приезжал сюда? Во-вторых, речка Халанчига — это правый приток реки Яма. В-третьих, этим же путем в 1912 г. прошел другой геолог — Петр Казанский, но в его записках нет сведений о золоте этих мест. О каких событиях идет речь в рассказах сигланских жителей, так и осталось тайной. Но в их воспоминаниях

упоминаются и американцы, нашедшие на речке Сиглан «желтое железо» — золото.

В 1900 году в Гижиге уже действовало другое совместное предприятие — Русско-американская золоторудная компания, которой руководил американский инженер Шокли¹. Какие предпосылки были положены в основу ее создания — неизвестно. Возможно, ее учредителям достался архив предшественников из Русско-американской телеграфной компании. О деятельности американских проспекторов не осталось следов, кроме заявочных столбов таинственного Бринера в бассейне речки Туромча. Известно лишь, что завезенный американцами табун лошадей после отъезда компании был брошен на произвол судьбы. Лошади благополучно акклиматизировались, и их видел горный инженер С.Л. Бацевич, прибывший в 1910 году в Гижигу. Копию его доклада «Два года в местечке Гижига Камчатской области», опубликованного в «Известиях общества горных инженеров» за 1913 год, я получил в Государственной публичной библиотеке им. В.И. Ленина, а затем она была перепечатана в северо-эвенской газете «Маяк Севера». А причиной поездки Бацевича были слухи о богатых россыпях золота на устье речки Туромча. Якобы начальник Гижигинского уезда некто Белов там, на пару с тунгусом за месяц намыл 18 фунтов (7,2 кг) золота.

Золотоносный пласт находился сразу же под растительным слоем с содержанием от 5 до 12 золотников золота (1 золотник — 4,27 г) на 100 пудов породы, или, в пересчете на современные меры объема и веса, — 25-70 граммов на кубометр. Цифры вполне реальные. Бацевич получил от местных жителей сведения о золоте и с других мест. Так, на речке Ирбычан инородцы делали блесны из найденных самородков, а одна из речек на полуострове Тайгонос даже названа Золотой.

Два года Бацевичем были затрачены на поиски золота не только на Туромче и Ирбычане, но и на полуострове Тайгонос, однако богатых россыпей он так и не нашел. В своем докладе, по всей видимости, в оправдание своих неудач, он упомянул и других русских

¹ Об этой экспедиции см. А.Г. Мягков «В поисках за золотом», «Русское богатство» №8 за 1901 год. — прим.OCR.

проспекторов, занимавшихся поисками золота до него и также безуспешно. Бацевич побывал и на речке Золотой, правом притоке реки Колыма, где, по слухам, было богатое золото, но и там оно не было найдено. Справедливости ради отметим, что впоследствии хасынскими и северо-эвенскими геологами были выявлены россыпи золота на полуострове Тайгонос, а на речке Авекова было разведано около шести тонн, однако вовлечение их в отработку невозможно из-за опасности нанести экологический вред этой нерестовой речке.

В смутные времена первой мировой и гражданской войн на Охотском побережье никто официально поисками золота не занимался. Но историки из Томска отыскали очень интересный документ. Неизвестный секретный сотрудник НКВД сообщал следующее: «На полуострове Япон (Охотское море) американцы во время интервенции имели большое предприятие с шахтами, больницей, школой и другими сооружениями. Ясно, что не уголь и не железо привлекали их к почти недоступному ни с суши, ни с моря полуострову Япон».

Слухи о золоте полуострова Пьягина дошли и до геологов Второй Колымской экспедиции. В 1932 году сюда направляется геологоразведочная партия во главе с Фаиной Рабинович. Прорабу Бертину удалось отыскать несколько мест с весовым содержанием золота. Однако последующие открытия богатых россыпей на Колыме отодвинули на второй план золотоносность полуострова Пьягина.

Лишь после проведения 1973-74 г.г. геолого-съёмочных работ масштаба 1:200 000 хасынские геологи Ю.П. Скибин и В.И. Ведерников оконтурили золотоносную площадь. Сразу же в 1973 году под руководством опытного россыпника Б.И. Денисова была начата разведка россыпей в районе бухты Шхиперов. Полученные результаты были столь обнадеживающие, что эту площадь передали Тенькинским геологоразведчикам. К сожалению, за два года работы они так и не оправдали надежд, и работы были прекращены. И лишь после 1995 года, когда сюда на свой сграх и риск выбралась артель старателей «Сакжой», получившая хорошие результаты, на полуостров Пьягина устремились и другие золотодобытчики.

По данным Управления природных ресурсов, здесь добыто около 500 килограммов золота, и это не предел.

Где ты, бухта Мивкан?

Город Магадан зародился на Охотском побережье между бухтами Нагаева и Гертнера. Интересна история появления этих названий. Адмирал Нагаев никогда не был на этих берегах, но русские гидрографы в 1912 г. присвоили его имя этой бухте, удобной для захода судов, в честь его заслуг по составлению карт Дальнего Востока. Факт присвоения имени адмирала одной из бухт Охотского побережья зафиксирован в документах Главного гидрографического управления. Также общепринято, что другая бухта названа по имени командира транспорта «Охотск», капитана второго ранга К.Н. Гертнера. Но документальных подтверждений этому нет (!), кроме устного сообщения ученого секретаря Географического общества СССР Л.И. Сенчуры.

А когда русские землепроходцы узнали об этих местах? Сомнительно, что их открыл отряд томских казаков Ивана Москвитина. В описи рек, датируемой 1639 годом, последней, самой дальней рекой назван Тауй, где и был основан острожек. Если бы казаки дошли до полуострова Старицкого, то они обязательно бы упомянули такие большие реки, как Яна и Армань. А этого факта в их отписках нет. Возможно, что до будущего Магадана совершали походы казаки отряда Алексея Глубокого, построившие в 1648 г. в устье реки Мотыклей зимовье. Но совершенно достоверно, что мимо полуострова Старицкого в 1652 году проплыли кочи Михаила Стадухина, но заходили ли они в бухты Нагаева и Гертнера — неизвестно. История не сохранила имен русских землепроходцев, первыми присвоивших бухте Нагаева именованию Волок, которое и просуществовало на картах до 1912 года, а у местного населения сохранилось до начала постройки города Магадана.

Большинство исследователей считают, что название Волок связано с тем, что удобнее перетаскивать грузы через узкий перешеек, чем огибать морем полуостров Старицкого. Однако есть и другие мнения.

Так, магаданский историк Сергей Дворянинов считает, что такое название бухта получила от ее особенности обволакиваться туманом. Подробно эта тема рассмотрена в его докладе «К разгадке названия г. Магадан», изложенном в апреле 2002 года на Диковских чтениях, посвященных 70-летию Дальстроя.

В 1989 г. в Магадане издана книга «Магадан. Путеводитель-справочник», подготовленная группой магаданских историков. В главе «Географические названия на карте города» приводится и эвенское название этой бухты — Мивкан. Я, занимаясь эвенской топонимикой, долго бился над расшифровкой этого наименования. С эвенского языка «мивкан» предположительно переводится как «сердечко». Топонимов с эвенской основой «мяв, мев, мяу» — «сердце» — много на карте Магаданской области, которые отличаются друг от друга лишь окончанием — нджа, — чан, — кан, что характеризует отношение кочевников-эвенов к горам различных размеров — Большое Сердце (Мяунджа), Маленькое Сердце, с пренебрежительным оттенком (Мяучан) или ласкательным (Маякан). Но какие сопки в районе бухты Нагаева похожи на сердце? Может быть, это сопки, известные у магаданцев под названием «Сахарная Головка»? Но одна сопка с таким названием находится в верховьях речки Каменушки, и с бухты ее не видно. Другая расположена в районе поселка Ола и тоже не может иметь отношение к бухте. А вот что пишет в своем исследовании названия г. Магадан Сергей Дворянинов: «Мивкан. Это еще одно старое название бухты Нагаева. На Камчатке есть корякское село Мивваны — «сумеречное место» от «мивит» — «сумерки» и «ваннын» — «место»... Слово «мивкан» также имеет корень «мив» и еще суффикс «кан». Из этого получаем слово «сумеречный». Два разноязычных названия Волок и Мивкан, видимо, дублируют друг друга, означая «туманное, сумеречное место». Далее, С. Дворянинов считает, что и топоним Марчекан — это слово русского происхождения и тоже означает «сумеречное, туманное место» от русских слов «морок, мрак» и т.д. Не вдаваясь в дискуссию о правомерности этих и других этимологий, отметим, что, по нашему мнению, эвенское название Марчекан означает «место охоты на нерп».

По истории Магадана, Охотского побережья и тем более Северо-Востока опубликовано огромное количество статей и книг. В поисках объяснения названий окрестностей города Магадана, я в который раз обратился к книге Н.В. Слюнина «Охотско-Камчатский край», изданной в 1900 году в Санкт-Петербурге.

Николай Васильевич Слюнин (1850-1925) — врач и натуралист Охотско-Камчатской горной экспедиции. После окончания в 1882 году Медико-хирургической академии плавал на российских судах в качестве врача. Одновременно занимался изучением морских промыслов, а также этнографией чукчей. С 1895 г. по 1898 г. по приглашению геолога К.И. Богдановича принял участие в Охотско-Камчатской экспедиции. В период с 15 ноября 1886 года по 5 апреля 1897 года прошел по Охотскому побережью от Охотска до Петропавловска-на-Камчатке. По итогам экспедиции был награжден орденом Св. Станислава 2-ой степени.

В следующие годы он продолжает служить врачом на военных судах на Балтике. После русско-японской войны Н.В. Слюнин занимается изучением экономики Дальнего Востока. Завершив продолжительные путешествия, он поселился в Белгороде, где его дом с огромной библиотекой и музеем пользовался широкой популярностью у жителей города. О жизни Н.В. Слюнина можно прочитать в книге историка А.И. Алексеева «Сыны отважные России» (Магадан, 1970). Впервые с книгой Н.В. Слюнина я познакомился еще тридцать лет назад, когда увлекся историей Омсукчанского района. С тех пор я неоднократно обращался к этому уникальному труду, включающему огромное количество сведений по истории Северо-Востока, его географии, этнографии, топонимике. Книга Н.В. Слюнина имеется в фондах областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина и Областного краеведческого музея.

Н.В. Слюнин пишет в ней (стр. 154): «Тауйская губа имеет подковообразную форму с двумя большими и удобными бухтами: Оджан на востоке и Мотыклей на западе, кроме того, здесь несколько бухт меньших размеров; такова бухта Бантамлен по северному берегу Мотыклея и бухты Мивкан и Олак, образующие Мивканский полуостров». Из этого сообщения видно, что Мивканский полуостров

— это нынешний полуостров Старицкого. Но из двух упомянутых бухт, которая из них бухта Нагаева, а которая — Гертнера? Привлекает внимание название Олак. Может быть, это Волок, т.е. старинное русское название бухты Нагаева? Обратимся к повести «Сказание о старине и пароходе с красным флагом», опубликованной сначала в альманахе «На Севере Дальнем» №1-2 за 1975 год, а затем в виде отдельной книжки в Магадане в 1983 году. Повесть написана научным сотрудником СВКНИИ, этнографом Ульяной Григорьевной Поповой под эвенским псевдонимом Марья Кэрдэкене. По ходу событий в повести упоминается географическое название Олоковая: «Там, в Олоковой-то дядя Слава нерп промышлял», а в примечаниях указывается: Олоковая — бухта Нагаева, известная тогда лежбищем нерп». Следовательно, названия Олак, Олоковая относятся к бухте Нагаева и являются несколько измененным русским названием Волок. Но почему исчезла буква «в»? Дело в том, что в эвенском языке вообще нет слов, начинающихся на букву «в», и эвены, произнося слово «волок», «проглатывали» первую букву. Сомневающимся в этом предлагаю взять хотя бы «Топонимический словарь Северо-Востока СССР», подготовленный В.В. Леонтьевым и К.А. Новиковой в 1989 году. Там нет ни одного эвенского топонима, начинающегося с буквы «в». Таким образом, мы пришли к неожиданному выводу, что бухта Нагаева, как считали составители путеводителя-справочника по Магадану, не Мивкан. А название Мивкан относится к бухте Гертнера. Тогда почему же бухта Гертнера по-эвенски называлась Мивкан, что, как указывалось выше, означает «сердечко»? Тот, кто бывал в бухте Гертнера, видел острова Три Брата и Вдовушка. Любой из них по форме похож на сердце. Вот и все встало на свои места, и бухта Гертнера именовалась по-эвенски Мивкан. Но этот вывод сразу же ставит другой вопрос. Ведь во всех статьях о происхождении названия Магадан указывается, что бухта Гертнера ранее называлась по-эвенски Монгодан? Может быть, это не эвенское название?..

Жемчуг Охотского побережья

Кто не восхищался жемчугом, природным перламутром? Издревле он ценился на Руси. С давних времен на Белом море существовал жемчужный промысел. Добытый жемчуг доставлялся в Москву, где шел на изготовление царских и церковных одежд. Особо ценился жемчуг белого или серебристого цвета. Крупные жемчужины оценивались в 100 рублей за золотник (4.27 г.). Находка 2-3 жемчужин величиной с горошину обеспечивала ловца жемчуга в течение года. Экспорт жемчуга был важной статьей дохода. В середине XVIII века Россия вывозила жемчуга жемчужного шитья на 200 тысяч рублей золотом. С продвижением русских землепроходцев на восток стали поступать сообщения о жемчуге и с этих окраин. Сначала о нем узнали от индигирских юкагиров, доставленных казачьим десятником Елисеем Бузой в 1642 г. в якутский острог. Через год более точные показания дали колымские юкагиры, находившиеся в Индигирском зимовье. Их рассказы свидетельствовали о том, что где-то за рекой Колымой находится речка Нелога, впадающая в море своим устьем. Живущее здесь племя наттов добывает жемчуг, или, как они называли, одекуй. Казаки, конечно, заинтересовались этими сведениями и, чтобы утвердиться в истинности таких сообщений, показали юкагирам русский жемчуг, но те ответили, что их жемчуг лучше и цветней. Где находится эта река Нелога, так точно и не удалось выяснить, но местонахождение ее было важно в другом плане, так как поблизости те же натты добывали еще и серебро, которое землепроходцев интересовало не меньше чем жемчуг. Реку Нелогу, как и мифическую Серебряную Гору, не удалось найти до сих пор, но указание на жемчуг позволяет считать местонахождение этой горы именно там, где встречается жемчуг. Дело в том, что на побережье Северного Ледовитого океана находки его неизвестны, а вот о жемчуге Охотского побережья в архивных документах того времени сведений предостаточно.

После похода казака Ивана Баранова в 1651 году из Верхне-Колымского зимовья на реку Чендон (нынешняя Гижига) путь сюда был уже освоен, и Якутская приказная изба стала выдавать проезжие

грамоты. В 1657 году казак Федор Чюкичев основал зимовье в верховьях реки Блудной (так раньше называлась река Омолон). Отсюда им были совершены походы на реки Чендон и Пенжину. Потом на смену ему прибыл казак Иван Хворый, а Федор Чюкичев с ясаком отправился в Якутский острог. Он привез первые сведения о жемчуге на реке Пенжине. В 1667 году якутскому воеводе князю Ивану Борятинскому доложили, что с Чендон-реки от казачьего десятника Ивана Ермолина служилые люди Акинф Сырцев и Григорий Постников доставили опытную партию жемчуга весом около пяти золотников. По всей видимости, Ермолин действовал не по собственной инициативе, а по указанию свыше. Какого качества оказался жемчуг, в архивных документах сведений нет. Возможно, что ему поступил наказ продолжить сбор жемчужин, и когда Ермолин в 1669 году вернулся в Якутский острог, то он уже показал три крупных и пятнадцать мелких жемчужин общим весом 18 золотников, собранных на острове у Тайна-Камня. Тайна-Камень — так раньше назывался полуостров Тайгонос, почему-то считавшийся у коряков греховной, запретной землей. А вот о каком острове идет речь — загадка. Возможно, что это остров Телан. Ермолин набрал бы и больше жемчугу, но на казаков напали коряки, а казаков было всего 50 человек.

Однако поиски жемчуга продолжались и в других местах. Так в 1669 году сын боярский Матвей Сосновский из Охотского города доносил якутскому воеводе Ивану Борятинскому и дьяку Степану Елчукову, что охотские тунгусы вблизи мыса Муткей (по эвенски — лежбище сивучей) по отливу собирают раковины с жемчугом. Он упаковал образцы жемчуга в кожаный мешочек, опечатал и отправил в якутский острог. А на реки Тауй и Олу были посланы казаки Константин Дмитриев, Лев Андреев, да Степан Чарков. Последний, наверное, был специалистом в жемчужном промысле, так как в документе упоминается его кличка — Жемчужник. На реку Островную был отправлен Миша-толмач (переводчик). Где находилась эта река Островная, в документе указаний нет. Но уже в другой отписке Матвей Сосновский сообщил, что Дмитриев, Андреев и Чарков были убиты, а ясачный тунгус Иркандей доставил в

Охотский острог опечатанный мешочек с жемчугом. По всей видимости, он был плохого качества, так как Сосновский пояснил, что более лучшего в тех местах не найдено. К тому времени и Миша-толмач передал две раковины с жемчугом. Других сведений о жемчужном промысле на Охотском побережье в архивных документах XVIII века мне найти не удалось.

Но, как известно все новое — это хорошо забытое старое. В 1740 году в Охотске оказался А.Э. Девиер. Это была столь экзотическая личность, что стоит остановиться на ней подробнее. По национальности он был голландцем. Приехав в Россию по приглашению Петра I, Девиер стал личным денщиком императора, потом получил чин генерал-лейтенанта, а Екатерина I присвоила ему графское звание.

Но, оказавшись среди заговорщиков, он был приговорен к смертной казни. В этом ему «помог» и князь Меншиков, недолголюбивый своего зятя, женатого на дочери Анне. Но Петр II заменил казнь на ссылку в Якутск и впоследствии Девиер был назначен командиром Охотского порта. Он-то и отправил в Санкт-Петербург 28 золотников жемчуга, собранного на берегу Охотского моря. Но оттуда пришел грозный ответ, что столь низкого качества жемчуга впредь не отправлять.

В 1806-07 г.г. по Охотскому побережью проезжал врач и натуралист Иван Редовский. Подробнее на этой экспедиции останавливаться не будем, так как я уже писал о ней ранее. Отметим лишь упоминание И. Редовского о жемчуге, который находят в раковинах вблизи почтовой станции Наяхон. Но сам Редовский, по всей видимости, этих раковин не видел, так как проезжал это место зимой и, наверное, эти сведения получил от местных жителей.

А вот еще одно интересное сообщение о жемчуге.

В 1910-12 г.г. в районе рек Гижига и Авекова занимался поисками россыпей золота горный инженер С.Л. Бацевич. В «Известиях общества горных инженеров» за 1913 г. им опубликованы заметки «Два года в местечке Гижига Камчатской области», в которых пишет, что на устьях рек Большая и Малая Гарманда, Вархалам здешний

старожил коряк Осип Флетчер занимался жемчужным промыслом и находил жемчужины с горошинку величиной.

С началом промышленного освоения Северо-Востока в советское время геологи, работавшие на Охотском побережье, казалось бы, должны были обратить внимание на жемчуг, однако просмотр многочисленных отчетов положительных результатов не дал. Только лишь в отчете хасынского геолога В.Д. Юдина, проводившего геологическую съемку полуострова Кони в 1979-1981 г.г., есть специальный раздел, посвященный жемчугу. Жемчужины были обнаружены в раковинах мидий на морском берегу близ устья реки Березовка. Примерно 5-10% раковин содержат одну, реже две жемчужины молочно-белого цвета с синеватым и сероватым оттенком и слабым перламутровым блеском. Размер их 2-3 мм. Мидии встречаются в приливно-отливной зоне до 40 метров от линии прилива. Полоса обитания их протягивается на расстояние более 2-х километров.

В 1995 году я работал на полуострове Пьягина в местечке с романтическим названием бухта Шхиперов. Там при отливе можно было собрать большое количество мидий. В крупных раковинах попадались и жемчужины. Одна из них была нежно-розового цвета размером 4 мм.

Сообщение о жемчуге будет неполным, если мы не вспомним древних жителей Охотского побережья. Они собирали раковины и употребляли их содержимое в пищу. В местах древних стоянок археологи отмечали пласты до 0,5 м., состоящие из битых раковин. Собиратели раковин, несомненно, обращали внимание на красивые перламутровые шарики, возможно, использовали их в качестве украшений. Но почему жемчужины не встречались при раскопках? Дело в том, что в составе жемчужин, кроме углекислого кальция (арагонита), есть еще и органическое вещество — конхиолин, которое не более чем через два столетия разрушается. И поэтому жемчуг не мог сохраниться в древних стоянках, возраст которых достигает тысячелетий. Но в древней стоянке на острове Завьялова была найдена бусинка, сложенная мягким минералом, который

археологи определили как агальматолит, но специальных анализов не делали. Возможно, что это был жемчуг.

За «Мечту» пришлось бороться

Свой первый полевой сезон на Северо-Востоке я отработал геологом Омсукчанской экспедиции в 1970 году на поисках оловорудных тел под руководством Н.Т. Дорофеева, а на второй год мне поручили руководство поисковой партией с символическим названием Начальная. Площадь работ располагалась на флангах Мало-Кэнского оловорудного месторождения, где проводилась разведка, и предполагалось, что аналогичное орудение будет выявлено и здесь. Территория работ была небольшой — 25 квадратных километров и охватывала верховья ручья Начальный, левого притока реки Джагын, и верховья ручьев Дикий, Мечта и Лань, левых притоков реки Малый Кэн. Базу партии решили поставить в верховья ручья Дикий, откуда можно было легко добраться до самого отдаленного участка. На базе построили баню и разбили палаточный городок. Когда инженер по технике безопасности Василий Чуравцов приехал принимать склад взрывчатых материалов, то он обронил фразу, что хорошо бы здесь действительно найти месторождение, уж больно хороший рельеф для проходки штолен. Его слова оказались пророческими.

Как только сошел снег, мы приступили к поискам. Плановмерно площадь покрывалась сетью поисковых маршрутов. Уже через месяц было выявлено несколько протяженных рудоносных зон с мощными кварцевыми жилами. Удивительно, что работавшие до нас геологи их не заметили. Так как мы искали олово, то одним из поисковых методов было копушение склонов, столь популярное среди геологов Дальстроя. Именно таким методом в годы войны было открыто Наталкинское золоторудное месторождение. Для этого по подножью склона через 40-50 м выкапывалась небольшая ямка-копуш, из нее отбирался грунт, который промывался на лотке. Если в шихте обнаруживался касситерит, оловянный камень, то выше по склону проходила вторая линия копушей и так далее, пока не будет

обнаружено рудное тело. Сейчас этот метод не применяется и заменен на геохимические поиски. Но тогда это был основной метод поисков, и очень трудоемкий, так как пробы весом 30-40 кг необходимо было протаскивать на себе к ручью, где они промывались в лотке. Здесь большую роль играла квалификация промывальщика. Но у нас был опытный промывальщик Миша Воровский, который улавливал мельчайшие зернышки рудных минералов. А для изучения рудоносности кварцевых жил в маршрутах отбирались пробы-протопочки, которые потом на базе дробились вручную на ступе, а потом промывались также в лотке. Шлихи из копушей и проб-протолочек просматривались под биноклем обычно уже после полевых работ. Но для оперативного минералогического анализа шлихов я пригласил приехать к нам на базу минералога экспедиции Наташу Савву. Сейчас Наталья Евгеньевна — главный научный сотрудник СВКНИИ, доктор геолого-минералогических наук. Для нее установили палатку из прозрачного полиэтилена, и, пока светило солнце, она под биноклем просматривала шлихи. Уже тогда Наташа установила в наших пробах наличие серебросодержащих минералов, а последующий спектральный анализ проб-протолочек показал и высокие содержания серебра. Тогда стало ясно, что изученная нами площадь представляет интерес с точки зрения не оловянного, а серебряного оруденения. К сожалению, в тот год были трудности со снабжением взрывчаткой, и поэтому проходку канав организовать не представилось возможным, и соответственно не были установлены истинные размеры рудных тел.

Но вот прошло время подготовки информационной записки о результатах полевых работ. Надо было дать название выявленному рудопроявлению серебра. Обычно в таких случаях берется за основу название ручья. Наши основные рудоносные тела были сосредоточены в ручье Дикий. Но не назовешь же месторождение Диким? А рядом протекал ручей Мечта, и это дало основание дать такое же имя и месторождению. Так появилась на карте серебряная Мечта.

Наша находка сделала переполох в геологическом управлении: в пределах оловоносной площади вдруг появился чисто серебряный

объект. Не получил я понимания и у коллег. Рецензент, заявив, что полученные нами результаты бездоказательны, выставил «тройку» за отчет. Мне бы надо и дальше бороться за объект, но подошло время отпуска за три года, я соскучился по родным волжским местам и отправился с семьей отдыхать. На Мечту была отправлена 2-я Начальная партия под руководством В.Г.Бростовской, к тому времени закончившей поисково-разведочные работы на Дукате. Вообще-то, ей были знакомы здешние места, так как еще до работы на Дукате она как раз и занималась поисково-разведочными работами на Мало-Кэнском оловорудном месторождении. В тот год на серебряной Мечте были пройдены канавы, но по непонятным причинам пробы, отобранные как раз из центральных частей рудных тел, оказались утерянными, и, таким образом, характеристика месторождения получилась неполной. Через год, когда, отработав полевой сезон на золотосеребряном месторождении «Нявленга» (сейчас там действует рудник), мне пришла в голову идея опять вернуться к Мечте. Я отыскал в камнехранилище образцы руд из потерянных проб и отправил их на анализ. В них подтвердилось наличие высоких концентраций серебра. Более того, были установлены и повышенные концентрации золота, что увеличивало ценность месторождения. Я тщательно проработал все данные по геологическому строению и рудоносности месторождения и подготовил статью к публикации. Кто работал в периферийных экспедициях, знает, как было трудно молодому производственнику пробиться в науку. Прежде чем отослать статью в научный журнал, надо было, чтобы она прошла так называемую экспертизу на предмет отсутствия секретных сведений. Тогда в геологии все, что касалось запасов благородных металлов, не подлежало публикации в открытой печати. Даже в переговорах по рации нельзя было упоминать слово «золото», а только в зашифрованном виде — «первый металл». В статьях же запрещалось указывать полные параметры рудоносных тел. Мне это казалось таким абсурдом, что этим всем я пренебрег и изложил все полностью. В противном случае нельзя было понять, о чем идет речь: то ли о значительных масштабах оруденения, то ли об эпизодическом всплеске

серебряного оруденения. Надо отметить, что и раньше отмечались повышенная сереброносность оловянных руд. Таким образом, мною были нарушены инструктивные указания. Более того, я не показал текст статьи руководству экспедиции, так как заранее знал, что моя инициатива будет пресечена на корню. Разумеется, что экспертная комиссия вернула все обратно в Омсукчан с грозным окриком о запрещении впредь подобных выходов. Я все равно продолжал собирать материалы о серебряном оруденении.

По моим данным получалось, что серебряные руды на глубине сменяются оловянными. В 1975 году планировалось провести во Владивостоке Всесоюзное совещание по геохимическим методам поисков олова, вольфрама и ртути. Опять окольным путем, минуя руководство, отослал тезисы, но уже изложенные эзоповым языком, — и вдруг приходит приглашение осенью принять участие в совещании. Полевые работы я успешно закончил, но об официальной поездке не могло быть и речи. В те годы даже главному геологу экспедиции было трудно выбраться на подобный форум. Я же под благовидным предлогом привезти сына из Иркутска беру отпуск за свой счет и лечу в Хабаровск. Но как попасть в закрытый порт Владивосток? Необходим пропуск, без него билет не продадут. Оформить его можно было бы в Омсукчане, но только по официальному запросу руководства экспедиции, а этого я сделать не мог. Помогла российская неразбериха. В Хабаровском аэропорту как раз была задержка вылета рейса на Владивосток. Желающих вылететь туда было много. Вдруг объявляют регистрацию. Народ начал штурмовать кассу, и в этой суматохе у меня не потребовали пропуск, я купил билет и благополучно долетел до Артема. Но как добраться от аэропорта до города, тогда как при подъезде к городу находился контрольно-пропускной пункт, на котором проверялись документы? Бывалые люди советовали доехать на такси, которое якобы не останавливают. К моей радости, я вдруг вижу автобус с надписью: «Геохимическое совещание». Оказывается, его организаторы предусмотрительно выслали транспорт для встречи участников. Так я прибыл в город. Начал устраиваться в гостиницу, а там опять требуют пропуск. Пришлось организаторам устраивать

меня в ведомственное геологическое общежитие. Совещание произвело на меня огромное впечатление, и очень много полезного я почерпнул из него, что впоследствии пригодилось в моей практике геолога-поисковика. Удивительно, но от всей огромной армии геологов Северо-Востока, занимавшихся поисками месторождений олова, вольфрама и ртути, на совещании официально был лишь один чиновник из управления, да и то ему разрешили присутствовать только на пленарных совещаниях. А после завершения совещания предусматривалась экскурсия по месторождениям Приморья. Предлагалось посетить либо крупное месторождение «Восток-2», либо проехать по другим месторождениям. Поездка на «Восток-2» отпала, так как требовалась соответствующая справка о допуске к секретным материалам. Такого документа у меня не было, и я, как свободный человек, поехал во вторую экспедицию, а чиновник из управления отправился восвояси в Магадан. С огромным интересом я посетил знаменитые полиметаллические и оловянные месторождения Приморья, набрал целый чемодан образцов. Но были и неприятные моменты. В те годы отношения с Китаем были сложными, и постоянно через несколько десятков километров автобус под прицелом автоматчиков задерживали на контрольно-пропускных пунктах. «Ну, все, — думал я, — сейчас проверят документы и меня надолго задержат, в лучшем случае за нарушение пограничного режима». Но водитель автобуса показывал соответствующие документы, и нас без проверки пропускали дальше. Так я успешно побывал в Приморье, потом отправился в Иркутск за сыном и вернулся в Омсукчан, где пришлось иметь неприятный разговор с начальством. Но все же мои потуги возымели действие, и на следующий год были продолжены работы над месторождением «Мечта». Я просил руководство направить меня на этот объект, но оно посчитало нужным отправить меня в другое место. А руководство партией по изучению «Мечты» поручило как раз тому геологу, который когда-то «закрестил» наши результаты. Он получил прекрасные результаты, но заслуги в выявлении рудоносных структур присвоил себе. Но не это главное. Месторождение «Мечта» получило гражданство, и впоследствии

здесь были подсчитаны запасы для второй очереди освоения серебряных месторождений Дукатского рудного района. Будем надеяться, что когда-нибудь появится и рудник «Мечта».

Загадки окрестностей Магадана

Первыми, кто видел место будущего Магадана, были казаки из отряда Михаила Стадухина, которые в 1652 году на кочах проплыли вдоль Охотского побережья. В последующие годы началось освоение этого края. Казаки, а затем купцы и мореходы составили многочисленные чертежи и карты, на которых изображались береговая черта и наиболее крупные реки: Тауй, Яна, Армань, Ола.

Первым, кто изучил Охотское побережье вблизи Магадана, был лейтенант Михаил Люцианович Онацевич, который в 1875 году описал полуостров, на перешейке которого и будет основан город. Он же и дал полуострову имя в честь другого гидрографа Константина Степановича Старицкого. К сожалению, у меня не было возможности познакомиться с описанием полуострова, выполненным М. Онацевичем, как, впрочем, и у Н.В. Слюнина, врача и натуралиста Охотско-Камчатской горной экспедиции. В зиму 1896-1897 гг. он прошел по Охотскому побережью и даже составил схематическую карту. Полуостров Старицкого им был назван Мивканским по бухте Мивкан, омывающей перешеек. На карте Слюнина бухта Мивкан соответствует бухте Нагаева. Но другую бухту, известную теперь как бухта Гертнера, он назвал Олак, и началась топонимическая путаница. Дело в том, что Олак — это эвенское произношение русского названия бухты Волок. У эвенов вообще нет слов, начинающихся на букву «в». Бухта же Волок — это старинное русское название бухты до того времени, пока ее не переименовали в 1912 г. в честь адмирала А.И. Нагаева. Об этом писал и гидрограф Б.В. Давыдов, принимавший участие в переименовании, и этнограф У.Г. Попова, хорошо знавшая окрестности Магадана как коренная жительница. Где находится бухта Мивкан — это один из топонимических ребусов, которые предстоит разгадать, как справедливо отметил С. Слободин (см. его статью «Слово на карте» в

Магаданской правде» от 18.04.2003 г.). По нашему мнению, Н. Слюнин, следуя по почтовому тракту, не посещал берега этих бухт и, записав расспросные сведения у своих проводников, перепутал названия, и бухте Мивкан должна соответствовать бухта Гертнера.

В 1912 году по охотскому побережью прошел геолог П.А. Казанский. Машинописная копия его описания хранится в геологических фондах. Он хорошо знал труды Н. Слюнина, так как неоднократно его цитирует. Он тоже не заходил ни в бухту Нагаева, ни в бухту Гертнера, повторяет ошибки Слюнина и преподносит еще немало топонимических загадок. Так, рассказывая о своем пути от Армани к Оле, он упоминает гору Комендант, речку Окурчан, гору Сердце-Камень, перевалив через которую, попадаешь в ключ Атласова Ярмарка, являющийся правым притоком реки Мамылтыкис, впадающий в бухту Волок, и речку Дахча, с притоком Балакапчан, впадающих в бухту Гартмана.

В отношении горы Комендант вопросов нет. Это название сохранилось на современных картах и хорошо знакомо магаданцам, собирающим грибы и ягоды в районе 2-го Арманского перевала. Легко узнаваема и речка Окурчан, вблизи устья которой находится остров Недоразумения. Теперь она называется Окса. Гора Сердце-Камень тоже хорошо известна магаданцам под названием Сахарная Головка. Но обращает на себя внимание тот факт, что по-эвенски «маленькое сердце» как раз и будет звучать как «мивкан». Возможно, что это же название перешло и к бухте Гертнера, где есть несколько островов, похожих по форме на сердце. Но что это за ключ Атласова Ярмарка? На современных картах этот ручей называется Сахарная Головка. По всей видимости, здесь располагалась ярмарка, где торговали атласом, или она названа по фамилии купца. Кстати, фамилия Атласов встречается среди ольских жителей. Мамылтокис — это, скорее всего, эвенское название верховьев нынешней реки Магаданки. Часто упоминаемое другое эвенское название Молотар, то есть «белуха», по-видимому, относилось к нижнему течению реки Магаданки, куда и могла заплывать эта хищница в погоне за косяками горбуши. А вот «мамылтыкис» с эвенского языка переводится как «приметное дерево (мо), где надо свернуть

(мамыл)». Именно отсюда тропа сворачивает к речке Балахапчан, спустившись по которой к речке Дахча (Дукча), дальше путь продолжается на Ольский перевал. Но П. Казанский отмечает, что речка Мамылтыкис, то есть нынешняя Магаданка, впадает в бухту Волок, а речка Дахча (Дукча) — в бухту Гартмана. Получается, что речки Магаданка и Дукча впадают в разные бухты? И что это за бухта Гартмана? То, что она соответствует бухте Гертнера, это понятно, а вот откуда взялось такое странное название бухты? Бухтой Гертнера она станет позднее, якобы в честь капитана 2 ранга К.Н. Гертнера, командира транспорта «Охотск», участвовавшего в гидрографической экспедиции 1912 г., но официальных документов на этот счет нет, кроме устного сообщения ученого секретаря Географического общества СССР Л.И. Сенчуры.

В 1930-м году, когда в район будущего Магадана прибыла 2-я Колымская экспедиция под руководством В.А. Цареградского, все геологи отправились в район богатых колымских россыпей. Побережье бухт Нагаева и Гертнера и сам полуостров Старицкого остались неизученными. Но в 1932 году сюда направляется геолого-поисковая партия Д.А. Каузова. Основанием для постановки работ послужили сведения, полученные от В.А. Цареградского, который еще в 1928 г. в русле реки Магаданки намыл один значок золота. Еще ходили слухи среди рабочих, что, дескать, где-то в верховьях хищничали (хищничество — это добыча золота из наиболее богатых мест). Мы еще вернемся к вопросу, где находится это место, а пока вкратце рассмотрим основные результаты работ Д.А. Каузова. Он вместе с прорабом К.М. Зыбиным, промывальщиком М.Н. Мининым и рабочим И. Сазоновым тщательно обследовали большую часть полуострова Старицкого, речки Магадан (так раньше называлась Магаданка) и Дукча. Россыпей золота они не нашли, даже проводя шурфовочные работы, кроме единичных значков золота. Но в шлихах было много магнетита, что позволило предположить Д. Каузову о возможности выявления промышленных месторождений железа. Д. Каузову принадлежит и честь составления первой геологической карты района города Магадана и его окрестностей. Конечно, она была схематичной и в будущем будет непрерывно уточняться.

Строению Магаданского Батолита, огромного блока гранитоидных пород, на котором стоит город, даже будет посвящена диссертация геолога А.М. Демина. Но для нас материалы Д. Каузова представляют другой интерес: на представленных картах появились первые географические названия, большинство из которых впоследствии исчезли, но многие сохранились до наших дней.

Из названий сопок Д. Каузовым упомянуты скала Каменный Венец, хорошо известная магаданцам, и голец Снежный, название которого впоследствии заменено магаданцами на сопку Марчеканскую.

Ручьям, впадающим в бухту Нагаева, на картах Д. Каузова были присвоены названия Корейский, Марчекан, Американский.

Название ручья Корейского сохранилось до настоящего времени. По нашему мнению, происхождение этого топонима связано с корейцами, возвращавшимися с колымских приисков и в ожидании парохода жившими здесь особняком от вечно пьяных и скандальных старателей.

А вот другой, ничем не примечательный ручеек стал именоваться Марчеканом. Но вряд ли это собственное название. Скорее всего, к нему переходит эвенское название бухты Нагаева, которая, по воспоминаниям У. Поповой, славилась лежбищами нерпы. Похожее название — Марекан — есть в Охотском районе Хабаровского края, где оно переводится с эвенского языка как «место охоты на нерп».

Ручей Американский был известен тем, что в его устье были могилы двух американских моряков. Потом это название забылось, и магаданцы стали именовать его Холодным.

На картах Д. Каузова впервые показана бухта Гертнера. В нее впадают две крупные реки: Магадан и Дукча. Речка Магадан показана в совершенно другой конфигурации, чем на современных картах. К речке с этим названием была отнесена и современная Каменушка. Именно к ее верховьям относятся сведения о хищничестве. Теперь же верховьем Магаданки считается ручей, протекающий вдоль Арманской трассы. На карте Д. Каузова он назван Лесопильным, так как здесь заготавливали лес для строительства города. Соответствующие названия получили и левые притоки Дровосек и Лесоруб (теперь — Андреевский). А вот правый

приток Магаданки с современным названием Сахарная Головка Д. Каузовым был назван Раздольным.

Речка Дукча — единственный топоним, не менявшийся с давних времен. Причины появления этого эвенского названия не выяснены до сих пор: то ли из-за рыбы кунжи, то ли из-за остова юрты она получила такое название. Также непонятным осталось эвенское название правого притока Дукчи — Балахапчан. Хотя оно было известно со времен посещения в 1912 году геологом П. Казанским, Д. Каузов на своих картах именуется его и Казусный и Дукчикан. Крупный левый приток, впадающий в Дукчу в районе пос. Снежный и по которому проложена Колымская трасса, у Д. Каузова именуется Дорожным. Но через год геолог В. Грунвальд восстановил его прежнее эвенское название Хабля, которое и сохранилось до наших дней. Левый небольшой приток Дукчи, где идет дорога к пос. Ола, Д. Каузов назвал Угольным, так как здесь был завод по производству древесного угля для кузниц. Теперь же он называется Ольский. Отметим метаморфозы названий правого притока Дукчи в районе пос. Снежная Долина. Как только он не назывался: и Веселый, и Красивый, пока не утвердилось его современное название — Медвежка.

Д. Каузовым даны названия ручьям, впадающим в бухту Нагаева восточнее устья Дукчи: Черный и Колчаковский. Причины появления последнего топонима так и не удалось выяснить. А вот ручей с современным эвенским названием Кончали у Д. Каузова был назван Неожиданным.

На карте полуострова Старицкого им показан ручей Веселый. Именно от него происходит и название небольшой бухты, куда он впадает. Но ручей Батарейный получил такое название уже в военные годы, когда там были размещены артиллерийские орудия, охранявшие подступы к Магадану. У Д. Каузова этот ручей называется Последний. По всей видимости, здесь были закончены полевые работы. До бухты Светлой в тот год геологи так и не добрались.

Таким образом, из огромного числа названий водотоков, присвоенных Д. Каузовым, до наших дней дошли лишь Марчекан,

Черный, Колчаковский, Корейский, Веселый. Многим ручьям вернулось прежнее эвенское название: Балахапчан, Хабля, Кончали. Некоторые ручьи жителями города стали именоваться по-иному: Холодный, Ольский, Андреевский, Сахарная Головка, Батарейный, а название речки Магаданка стало распространяться на ручей с прежним названием Лесопильный, а там, где раньше считалось верховьем Магаданки, появилось новое название — Каменушка. Большинство же названий вообще не закрепились на картах в связи с их субъективной оценкой: Крутой, Горелый, Маленький, Мизерный, Болотный, Пологий, Пиковый, Гольцовый, Каменистый, Кривой, Сухой, Прямой, Мошкаринный, Неважный, Хваленый и многие другие.

Звон Колымского хрустала

Впервые историю о колымском хрустале я услышал от Бориса Игнатьевича Казакова, работавшего в 40-50-х годах на Стекольном. Тогда мне и голову не приходила мысль, что к ней придется неоднократно возвращаться, и я не записал подробного рассказа. Но впоследствии эта история стала обрывать новыми фактами и подробностями. К сожалению, некоторые из них носили форму устного рассказа и не подтверждены документально, и поэтому свое повествование я назвал былью. Как эта история отложилась в моей памяти, я так и хочу ее изложить. Может быть, она будет интересна читателю.

Все началось с организации в 1938 году Хасынской геологоразведочной партии, которая должна была изучить местное месторождение каменного угля. Геологу С.В. Домохотову было поручено обследовать территорию, охватить не только само месторождение, но и прилегающие фланги.

Справка. Сергей Владимирович Домохотов прибыл на Колыму после службы в армии. Первые геологические карты Примагаданья связаны с его именем. С 1948 года он возглавляет геолого-поисковый отдел управления «Углеразведка». Скончался в 1966 году во время командировки в Ленинград.

Он добросовестно выполнил поставленную задачу, и полученные им сведения были положены в основу дальнейшего изучения угленосной площади. Но были и другие открытия. Один из левых притоков речки Хасын Домохотовым назван Красавицей. Это название так и закрепилось на картах тех лет и даже существовала железнодорожная станция по узкоколейке Магадан — Палатка с таким поэтическим названием. Но впоследствии на современных картах этому ручью вернулось его прежнее эвенское название — Кадыкчан, то есть речка, протекающая в ущельях. Подобное название часто встречается на картах Магаданской области.

Так вот, в 1939 году Домохотовым на правом берегу речки Красавицы закартирована толща белоснежных сыпучих пород, названных им кварцевыми песками. Конечно же, на этот факт обратило внимание руководство Дальстроя. Наличие месторождения кварцевых песков давало возможность начать производство местного стекла, а не завозить его с материка. В 1941 году издается соответствующий приказ по Дальстрою о строительстве стекольного завода на 72-м километре Колымской трассы. Директором строительства назначается Л.Н. Ясногородский.

Справка. Яков Николаевич Ясногородский работал в системе Дальстроя с 1935 г. В 1937 году был назначен начальником промкомбината, где из числа заключенных геологов создал творческую группу. В 1941 году награжден медалью «За трудовое отличие». Впоследствии за либеральное отношение к заключенным получил партийное взыскание. В 1942 году уволен по состоянию здоровья.

Но при более детальном изучении так называемых кварцевых пород оказалось, что это вулканический пепел. В настоящее время считается, что он образовался при извержении камчатских вулканов.

Тучи пепла неоднократно приносились на Северо-Восток, и слой пепла встречается во многих местах Магаданской области в отложениях различного возраста от неогена до современных. Но толща пепла на берегу Красавицы удивляет до сих пор всех исследователей своими размерами и однородностью строения. Были и другие загадки. В том же 1941 году сотрудник научно-

исследовательского отдела геологоразведочного управления Дальстроя, заключенный Е.К. Устиев, впоследствии известный магаданский ученый, изучил пробу пепла и установил в ней многочисленные мелкие кристаллики пирита (сульфида железа) и дендриты самородной меди. Позже хасынский геолог Е.Г. Песков обнаружил в пепле повышенные содержания золота и выступил с оригинальной гипотезой, что это вовсе и не пепел, а разрушенные гидротермально измененные породы, которым он придумал специальное название «хасынит», под которыми надо искать месторождение рудного золота.

Вернемся к идее получения стекла на Колыме. Оказалось, что пепел не пригоден для выплавки стекла. Это потом стали его применять для приготовления изоляторов и бутылок, а пока Дальстрою нужно было оконное и ламповое стекло, а потому в дело пошел кварц, в изобилии встречающийся на Колыме. Для поисков кварца, пригодного для варки стекла, а также кальцита, добавляемого в шихту, была организована группа геологов-заключенных. Среди них были Й. Йовчев и И. Полевой

Справка. Иосиф Игнатьевич Полевой работал начальником Геологоразведочного управления треста «Якутзолото», но по сфабрикованному обвинению в подрывной троцкистско-вредительской деятельности 8 августа 1937 года был арестован и на закрытом судебном заседании 14 июня 1938 года приговорен к расстрелу. Потом Верховный суд РСФСР заменил высшую меру наказания на 20 лет лишения свободы. 14 июня 1940 года третьим рейсом парохода «Дальстрой» его доставили в Нагаево. Потом — Магаданские лагеря, в том числе знаменитый Берлаг. С 25 декабря 1955 г. работает в Дальстройпроекте. В 1956-м — реабилитация. С 1 октября 1959 года он на пенсии и, возможно, выехал в Ленинград, где жила его дочь.

Справка. Йовча Смилович Йовчев — болгарский политэмигрант. Закончив Московскую горную академию, с 1931 по 1936 годы занимается поисками месторождений редких металлов. 27 февраля 1937 года его арестовали, а затем особым совещанием НКВД осудили на 8 лет лагерей. С 12 сентября 1938 года он находился в колымских лагерях. В конце 1945 года его освобождают, а через год вызывают в

Москву, а затем — в Болгарию, где он становится министром геологии и академиком. Умер в 1990 году.

Судьба свела этих двух опытных геологов в магаданском лагере промкомбината. Ошибочно считается, что создание минерально-сырьевой базы Северо-Востока обязано геологам-заключенным. На самом деле у них у всех была пресловутая 58-я статья, которая не позволяла использовать на геологоразведочных работах на рудное сырье, которое всегда сопровождалось грифом «секретно». Так в колымских лагерях и погибли известный геолог-нефтяник Александр Косыгин, геохимик Бруно Бруновский и многие другие. С большим трудом удалось вытащить в Магадан Е.К. Устиева, А.К. Болдырева, Ф.Н. Шахова, Ю.М. Шейнманна, И.К. Баженова, В.В. Богацкого, В.Н. Верещагина, А.Г. Вологодина. Но все равно они находились на положении заключенных, и до секретных работ официально не допускались.

Йовчев, Полевой и другие геологи-заключенные приступили к поискам качественного сырья для стекольного производства. Бывшие свидетели тех лет ошибочно считают, что именно Йовчев нашел залежи вулканического пепла. По всей видимости, так был велик его авторитет как геолога. На самом деле Йовчев прибыл на стекольный завод через два года после того, как было открыто месторождение Домохотовым. Геологами стекольного завода были обследованы многочисленные проявления кварца вдоль Колымской трассы вплоть до Якутии. Одно из месторождений находилось недалеко от пос. Палатка, где сохранился карьер, рудоспуск и обломки тачек. Трудности были с кальцитом, которого тоже требовалось немалое количество. Одно из месторождений разрабатывалось в обрывах труднодоступного мыса Харбиз на Охотском побережье. Тем не менее, проблема минерального сырья для стекольного производства была успешно решена.

Заключенные стекольного завода официально подчинялись Маглагу, которым руководила А.Р. Гридасова.

Справка. Александра Романовна Гридасова прибыла в Магадан в 1939 году. С 1943 по 1948 годы — начальник Маглага. Умерла в Москве в 1982 году. Последняя ее должность — заведующая прачечной.

Личность Гридасовой до сих пор вызывает противоречивые суждения. Ее имя неразрывно связано с начальником Дальстроя И.Ф. Никишовым, всемогущим правителем огромной территории, составляющей шестую часть СССР. За крутой нрав его прозвали Иваном Грозным. А вот Гридасову называли Матерью. Судя по фотографии, хранящейся в Магаданском краеведческом музее, ее не назовешь красавицей, но она чем-то увлекла И. Никишова, который был ее старше на 21 год, и стала его гражданской женой. В ее подчинении был и театр. Многих творческих личностей она вытащила из ада колымских лагерей. Чем это считать — гуманностью или желанием помещицы иметь крепостных актеров? Не берусь судить.

Под опекой Гридасовой оказался и стекольный завод, где стали выпускать даже елочные игрушки и цветную посуду. И захотелось Гридасовой иметь настоящий хрусталь.

Как известно, для выплавки хрусталя необходим особенный кварц. Заключение геологи приступили к поискам. Они привозили пробы с различных месторождений, в лаборатории проводили опытные плавки. И, наконец, такой кварц был найден в районе Карамкена. Но для изделий из хрусталя необходима еще и огранка. Понадобился мастер-гранильщик. Как тогда зло шутили: был бы человек, а статья найдется. И специалиста по имени Тойво Ниила отыскивали только в Эстонии. Следователи из НКВД «пришили» ему статью — «связь с лесными братьями», и мастер оказался на Колыме. А что такое Колыма, он уже знал: «Коле маа» на эстонском языке означает «Ужасная земля». И стал мастер работать над колымским хрусталем. Гридасова лично контролировала его. Страдающему слепотой мастеру она распорядилась ежедневно выдавать по 30 граммов рыбьего жира и даже достала ему новые линзы для очков. А для гравировки каждой вазы приходилось корпеть не меньше полсмены. Всех поражала филигранная красота хрусталя. Этих ваз нет в музеях. Они все разошлись на подарки гостям, приезжавшим с инспекцией в Магадан. Посещали они и дачу генерала Никишова, построенную на берегу Хасына, где под звон хрустальных рюмок пробовали колымские наливки. А мастер Тойво Ниила в это время в бараке

перечитывал письмо из далекой Эстонии. Разрешение на переписку с семьей ему добилась тоже начальница Маглага.

Но история с хрусталем закончилась плачевно. Уже после увольнения в 1948 году Ивана Грозного из системы МВД, когда он превратился в безобидного старичка в полосатой пижаме, услужливо подбирающего упавшие со стола косточки домино во дворе московского дома, плавильную печь поставили на ремонт. Вот тогда ремонтники и обнаружили, что на поддоне скопилась стекловидная масса, пропитанная золотом. Русские мужики, конечно же, не оставили этот факт без внимания и попытались извлечь чистый металл. Но об этом стало известно соответствующим органам, и они сразу же пресекли эту инициативу на корню. Больше хрусталем никто не занимался. А через двадцать лет там, где добывался кварц для хрусталя, геологи нашли богатое золоторудное месторождение.

Возможно, природные примеси золота в кварце и придавали колымскому хрусталию неповторимую красоту.

История одного заблуждения. Как это было...

В 1924 г. в Горном журнале (№1) была напечатана статья академика В.А. Обручева «Новые золотоносные районы Восточной Сибири», в которой было дано описание Охотского района. При этом автор подробно остановился на работах американского геолога Ч.В. Пюрингтона и, ссылаясь на его статью «Становой золотой пояс Сибири», указал, что она была опубликована в журнале «Mining and Metallurgy» в ноябре 1893 г. Это и привело к дальнейшим недоразумениям. В 1931 г. геодезист К. Салищев, характеризуя астрономические, геомагнитные и картографические работы Колымского геоморфологического отряда АН СССР под руководством С.В. Обручева, отмечал, что карта Охотского побережья, составленная Ч. Пюрингтоном в 1893 г., не могла быть использована ввиду ее несоответствия более точным съемкам геолога П. Казанского, изучавшего Охотское побережье в 1912-1917 гг.. П. Кропоткин, опубликовавший в 1936 г. работу по истории геологических и географических исследований Охотско-Колымского края и верховьев

реки Индигирки (1890-1934 гг.), писал, что в начале 1890-х годов по побережью Охотского моря (Ямский полуостров) проехал известный американский проспектор Ч. Пюрингтон, опубликовавший ... полученные им данные и карту побережья». Как покажем ниже, К. Салищев и П. Кропоткин статью Ч. Пюрингтона не читали.

Занимаясь историей геологического исследования Северо-Востока, и в попытках отыскать американские корни в топонимах Охотского побережья (мыс Янки-дуды на полуострове Пьягина, мыс Колдерентин в заливе Одян), нами были предприняты попытки найти статью с картой Ч. Пюрингтона, согласно библиографическим данным, указанным В.А. Обручевым, но они оказались безуспешными. Лишь с отменой «железного занавеса» удалось получить статью Ч. Пюрингтона и американские некрологи о нем от Уоррена Ноклеберга, специалиста Геологической службы США, которому я приношу огромную благодарность. Оказалось, что статья Ч. Пюрингтона опубликована не в 1893, а в 1923 г. Анализ всех имеющихся данных показал, что Ч. Пюрингтон сыграл значительную роль в геологическом изучении и развитии золотодобычи на Дальнем Востоке.

Честер Веллс Пюрингтон родился 21 октября 1871 г. в Бостоне. Получив высшее горное образование в Гарвардском университете, он в 1886 изучает золото-серебряные месторождения в Колорадо, а в 1895 г. — золоторудные месторождения Аляски. В 1897 г. отправляется в Европу. В России Ч. Пюрингтон побывал на уральских месторождениях золота, железа, меди. Два последующих года Ч. Пюрингтон провел на практической работе в Южной Америке и США. В 1904 г. им совершается второе путешествие на Аляску, а в 1907 г. по поручению английских бизнесменов он исследует золотые, медные и полиметаллические месторождения России. В Амурской области на реке Колчан под его наблюдением и управлением начинают работать две драги. В 1911 г. им изучаются месторождения на Аляске, а затем он возвращается в Россию. В 1913 г. Ч. Пюрингтон становится консультантом Общества Lena Goldfields, контролировавшего Ленское золотопромышленное товарищество. Ему удалось убедить правление ленских приисков заказать первую драгу. Но

последовавшая затем первая мировая война и революционные события не позволили осуществить эти планы. Во время войны Ч. Пюрингтон вместе с другими американскими инженерами организует в Лондоне комитет технической помощи Антанте. В 1918 г. возвращается в Россию и в 1919 г. за свой счет отправляет экспедицию под руководством горного инженера Р. Смита на Охотское побережье для поисков и разведки золота. На следующий год им лично предпринята поездка для знакомства с горными богатствами Охотска. Убедившись в перспективности Охотского побережья, Ч. Пюрингтоном в июле 1921 г. в Лондоне учреждается акционерное общество «Аянская корпорация» с первоначальным капиталом в 300 тыс. фунтов стерлингов. Ч. Пюрингтон становится директором-распределителем этой компании. Осенью 1921 г. из Владивостока в Охотск на пароходе «Взрыватель» отправляется горная экспедиция под руководством инженеров Д.Д. Гофмана и Г.С. Дайера. Хорошо технически оснащенная, с большим количеством рабочих (120 человек) и сопровождаемая знатоком охотского золота Э.Т. Кроссом, эта экспедиция была готова к широкомасштабной оценке золотоносности Охотского побережья. Но в Охотске пароход был захвачен отрядом белогвардейца Бочкарева, грузы реквизированы, а члены экспедиции арестованы. Через два месяца им все же удалось вернуться во Владивосток. Убытки несостоявшейся экспедиции составили более 200 тыс. рублей. Но эта неудача не остановила Ч. Пюрингтона. В феврале 1922 г. Приморским Горным управлением на имя Ч. Пюрингтона было оформлено 109 заявок и прииск Варваринский, а летом 1922 г. была отправлена следующая разведочная партия. В этом же году Охотское побережье посетил Ч. Пюрингтон. Надо отметить, что уже в те годы разведочные партии «Аянской корпорации» были оснащены буровыми станками «Кийстоун» и «Эмпайр». Однако неустойчивое политическое положение Дальнего Востока вынуждает Ч. Пюрингтона перебраться в Йокогаму (Япония), где он и завершил подготовку к печати своей статьи «Становой золотой пояс Сибири», в которой дал высокую оценку золотоносности Охотского побережья, основываясь на собственных наблюдениях.

Жизнь Ч. Пюрингтона оборвалась трагически. 1 сентября 1923 г. в Июкогаме произошло землетрясение. Ч.Пюрингтон и его шестилетняя дочь с няней не были найдены и, по-видимому, погибли под обломками обрушившегося и сгоревшего дома. Десятилетний сын был спасен и доставлен в тяжелом состоянии на борт корабля, но через несколько часов он скончался. Спаслась только жена Ч. Пюрингтона, находившаяся во время землетрясения на улице.

Как нашли метеорит «Сеймчан»

Метеориты — это посланцы из космоса. Издревле они привлекали внимание человека. Уже само появление в небе светящегося шара, а потом падение его на землю вызывало у населения священный ужас. Но метеориты бывают разного состава: просто каменные, железные с примесью никеля и стекловатые. Встречаются уникальные алмазосодержащие метеориты, но, скорее всего, алмазы в них образовались при столкновении метеоритов в космосе или при ударе о земную поверхность. Представляете, сколько алмазов валяется в лунной пыли нашего земного спутника, постоянно подвергающегося метеоритной бомбардировке! Но древнего жителя Земли, прежде всего, привлекали железные метеориты. Возможно, из них были изготовлены первые железные орудия труда. А у юкагиров осколки «Громового топора» почитались как талисманы удачи и богатства.

В геологических музеях г. Магадана имеется большая коллекция метеоритов. О том, как нашли один из них под названием «Сеймчан», и пойдет дальше речь.

В 1967 г. в верховьях реки Ясачной работала геологическая партия Центральной комплексной тематической экспедиции под руководством Бориса Преображенского. Это был уже второй полевой сезон по составлению геологической карты масштаба 1:200 000. В тот год полевые работы начались с бассейна речки Хекандя, левого притока Ясачной. Одни геологи занимались изучением геологического строения, другие — поисковыми работами. Старший техник-геолог Филипп Медников отвечал за шлиховое опробование речных долин. После окончания в 1953 году Магаданского горно-

геологического техникума он постоянно работал в геологической службе Северо-Востока и еще, по словам товарищей, увлекался фотосъемкой.

Он решил первый маршрут этого года начать с ручья Каменистый, который впадал справа в речку Хекандя. Утром 18 июня Медников и промывальщик Киселев отправились туда. После промывки очередной шлиховой пробы Медников аккуратным мелким почерком записал в полевой книжке: «Т.1070, в 250 м. выше Т.1069. Ручей течет в неглубоком каньоне. То с одной, то с другой стороны наблюдаются невысокие, до 3-3,5 м, коренные террасы — серые слоистые известняки. С цоколя левой террасы взято два лотка — щебенка с глиной. Шлих серый. В русле те же известняки». Обычное, ничем не примечательное описание точки наблюдения. Но вот размер букв в следующей записи уже крупный. Я представляю, какое волнение в тот момент охватило Медникова и его промывальщика. Продолжим чтение полевой книжки. «20 метров вверх от точки 1070. В русле обнаружен большой кусок железа размером 60х40х35 см. весом примерно 300 кг. Обломок неправильной формы, с раковистыми поверхностями. На более ровных поверхностях имеется штриховка. В массе железа видны гнезда пирита, а в раковистых углублениях натеки халцедона, а может быть, оливина. При ударе звенит, магнитная стрелка притягивается северным концом. Куется. Железо почти не окислено. Отломили два маленьких кусочка для образца».

Конечно же, Медников понял, что ему посчастливилось найти метеорит. Он его зарисовал в полевой книжке с указанием регмаглиптов, углублений, подобным вмятинам от пальцев рук в мягкой глине, характерных только для метеоритов, и дал метеориту название «Ясачная». А дальше в полевой книжке опять мелким почерком продолжение описания маршрута. Работа есть работа, но настроение, я думаю, у него было приподнятым все лето: еще бы, в первом же маршруте сделать такое открытие. Он не стал ждать окончания полевых работ и 15 августа то ли сам, то ли с оказией отправил один кусочек метеорита в Москву, в Комитет по метеоритам.

А в это время в Приморском крае работала Сихотэ-Алинская метеоритная экспедиция. Ее начальник, известный специалист по метеоритам Е.Л. Криков, получив из Комитета сообщение Медникова, сразу же отправил своих сотрудников В.И. Цветкова и И.Н. Маркова в Сеймчан. А уже наступил октябрь, выпал снег, и партия Б. Преображенского ждала вертолет для выброски из района работ. Метеоритчики успели вовремя. На вертолете, который вылетел на базу, прибыли Цветков и Марков. Захватив четырех рабочих, в том числе и промывальщика Киселева, они на вертолете вылетели к месту находки. Узкий распадок шириной всего 20 метров не позволил пилотам посадить вертолет непосредственно около метеорита, группа высадилась намного ниже и отправилась к метеориту. А дальше происходят еще более интересные события. Вот что пишет В.И. Цветков в статье, опубликованной в «Известиях Академии Наук» (вып. XXIX, 1969 г.): «И.Н. Марков при помощи миноискателя обследовал русло ручья на 15 м выше и на 100 м ниже находки, а также некоторые участки склонов. Ему удалось в 20 м. ниже первой находки обнаружить второй метеорит, весом 51 кг. Он имеет форму тетраэдра и на поверхности регмаглипты такого же размера, как и на большом метеорите. Попытка установить совпадение метеоритов по какой-нибудь поверхности успехом не увенчалась.

С большим трудом волоком удалось нам доставить метеориты к посадочной площадке вертолета. Затем вертолетом они были отправлены в Сеймчан, а оттуда самолетом в Магадан. Меньший метеорит передан на хранение в геологический музей Северо-Восточного геологического управления, большой отправлен в Москву, в Комитет по метеоритам».

Обратим внимание, что оба метеорита не совпадают по какой-нибудь поверхности, то есть между ними были какие-то промежуточные куски, и поэтому велика вероятность находки других метеоритов в бассейне ручья Каменистый.

А когда произошло падение? По всей видимости, недавно, так как метеориты практически лежали на поверхности и не были погребены под толщей речных отложений. Я попытался установить,

что означает название «Хекандя». Это эвенское слово характеризует высокую температуру предмета — «очень горячее». Возможно, эвены, кочевавшие в этих местах, видели падение метеоритов и нашли их, когда те еще не остыли. Но на современных картах названия «Хекандя» уже нет, и эта речка известна под другим названием — «Сетычан». На эвенском языке это означает «трястись, дрожать», что можно связать с колебаниями почвы, вызванными падением метеоритов. Последующий анализ большого метеорита, переименованного впоследствии в «Сеймчан», показал, что он на 95% состоит из железа, на 2% — из никеля, на 3% — из прочих примесей.

Второй, менее крупный метеорит, тоже под названием «Сеймчан», можно увидеть в экспозиции геологического музея Магаданского фонда геологической информации. Говорят, что он, как и другие метеориты, несет в себе космическую энергию. Мне рассказывали байку, что, когда мэр Москвы Юрий Лужков с женой Еленой Батуриной приезжали в Магадан, им тоже показали метеорит «Сеймчан». Елена попросила отпилить кусочек. Сначала ей отказали, но когда она заявила, что Елене Образцовой, известной певице, оказали подобную услугу, то и ей пришлось подарить кусочек небесного гостя. Теперь обе Елены подзаряжаются энергией от одного метеорита.

В последние годы вокруг метеоритов возник ажиотаж. Когда я учился в Саратовском университете, в музее кафедры минералогии и петрографии экспонировался каменный метеорит весом 125 кг. Сейчас его там нет: утащили воры. Обломки его были проданы на европейском аукционе за огромные деньги. Был украден и 50-килограммовый обломок Сихотэ-Алинского метеорита из Волгоградского планетария. Несколько лет назад я видел на китайском рынке объявление: «Куплю метеорит по цене 1\$ за грамм». Но в газетах сообщается, что цены на метеориты в последнее время подпрыгнули вверх, и цена за 1 грамм достигает, чуть ли не до 20 тыс. \$. А кто их покупает? Прежде всего, богатые коллекционеры и оккультисты для своих магических обрядов. Интересуются ими и ювелиры. Как говорится в газете «Мегаполис» (№45, 2003 г.)

модными стали украшения из метеоритов в золотой оправе, инкрустированной обыкновенными бриллиантами, рубинами и сапфирами.

Кентавры с Яблонового перевала. «Грудное солнце»: правда или вымысел?

Первые этнографы А.Э. Кибер, В.И. Йохельсон, изучавшие быт народа Северо-Востока, отмечали у юкагиров наличие металлических блях величиной с чайное блюдце, закрывающих грудь. Юкагиры называли такие бляхи «грудным солнцем». По их рассказам, они передавались по наследству из рода в род, исключительно по материнской линии. С одной стороны бляхи были гладкие, а с другой — украшены изображением разных животных чаще — лошадей. Но были случаи, когда находили бронзовые бляхи с изображением кентавра.

Кто проезжал по Колымской трассе, тот знает, что на 164-м км трассы находится Яблоновый перевал. Здесь как раз проходит Охотско-Колымский водораздел. Крутой подъем по речке Татынгычан, левому притоку реки Ола, на перевале сменяется пологим спуском в долину реки Малтан, притоку реки Бохапча. А перед самым перевалом находится могила связиста И.Ф. Макеева, погибшего здесь в октябрьскую пургу 70 лет тому назад. Но почему такое странное название перевала — Яблоновый? Некоторые залетные журналисты, впервые приезжающие в наши края, любят связывать это с яблоней или, как в случае с чукотским поселком Сиреники, с сиренью. Мол, это память русских жителей о своей далекой родине. На самом деле, это древние местные названия. В частности, топонимы с корнем «яблон» встречаются не только в Магаданской области, но и в Забайкалье, и на Чукотке. С юкагирского языка «яблон» переводится как «смерть, гибель». Наверное, многие путешественники, проходящие через Яблоновый перевал, завершали здесь жизненный путь, и поэтому на спуске в долину речки Малтан была даже построена часовня, в которой можно было воздать хвалу Богу за благополучное преодоление перевала и помолиться за

упокой погибших. Развалины этой часовни видел еще Юрий Билибин, проходивший через перевал в 1928 году.

4 сентября 1951 года начальник Дальстроя Э. Берзин возвращался из очередной поездки по колымским приискам. Положение с золотодобычей было благополучным, и его ждал длительный отпуск на материке. На спуске с перевала в долину речки Татынгычан уже существовала так называемая дорожная «командировка», или, официально, «7-й околоток», где жили заключенные, обслуживающие трассу. Один из них, Филипп Георгиевич Рожнов, остановил машину и рассказал Э. Берзину, что неподалеку в земле им найден клад, состоящий из бронзовых блях, колец, подвесок, трубочек и большой медали. На медали изображен кентавр — легендарное существо с конским туловищем, человеческой головой, грудью, руками, но с крыльями за спиной и с булавой в руке. Берзин забрал эти предметы и отвез их в Магадан, где все передал редактору газеты «Советская Колыма» Роберту Апину. Вскоре, 12 и 16 сентября, в газете появляются заметки об этих находках за подписью «Краевед». В них сообщалось, что фотоснимки найденных предметов будут отправлены в Академию материальной культуры им. Маара для точного определения происхождения изделий «древнего ювелира». Приводилась и фотография бронзового кентавра. Но почему находка не была передана в Охотско-Колымский краеведческий музей, уже три года существовавший в Магадане? Почему сами музейные работники не проявили инициативу? Единственную газету Колымы в те годы зачитывали до дыр, и они, наверное, знали об этой находке.

Я пытался найти эти заметки. В областной библиотеке газетной подшивки тех лет не оказалось. Но в архиве Магаданского областного краеведческого музея хранятся вырезки, к сожалению, без фотографии медали.

Передавая свои находки лично директору Дальстроя, заключенный Рожнов наивно рассчитывал, что ему за это снизят срок. Поэтому он напомнил о себе, написав весной 1938 г. письмо в газету, интересуясь их дальнейшей судьбой. 8 апреля 1938 года редакция переправила его письмо в Магаданский музей. Но в то время Колыму «трясли» другие события. Были арестованы директор Дальстроя Э. Берзин и

его сподвижники, в том числе и Р.Апин. Лишь в марте 1939 г. А.П.Хмелинин, третий год руководивший музеем, обратился в спецсектор Дальстроя с просьбой отыскать эти находки, которые якобы хранились в редакторском сейфе, к тому времени опечатанном представителями НКВД. 8 мая того же года и.о. начальника спецотдела Дальстроя лейтенант госбезопасности Воробьев сообщил, что отыскать предметы не удалось, а три фотоснимка отправлены в музей. В архивах музея есть одна фотография экспозиции этих предметов, но среди них нет бронзового зеркала с кентавром. Куда оно исчезло? Неизвестно.

К маю 1940 г. гражданин Рожнов, уже освободившись из заключения, благополучно добрался до Ростова. Оттуда он пишет в магаданский музей письмо, что он мог бы за вознаграждение выслать дополнительные предметы, найденные им на Яблоновом перевале. Как ему удалось сохранить их во время многочисленных «шмонов» (обысков), только диву даешься. Директор музея А.П.Хмелинин немедленно отбивает телеграмму Рожнову с оплаченным ответом: «Телеграфируйте стоимость назовите дополнительные предметы колымской находки музей немедленно переведет деньги = директор Хмелинин». Рожнов не замедлил ответить: «Имею две медали меньше кентавра претендую на премию всей находки высылайте деньги на ваше усмотрение нуждаюсь немедленно вышлю = Рожнов». Но Хмелинин не торопится покупать кота в мешке и пишет письмо в ростовский музей об оказании помощи в определении ценности находок Рожнова. Однако последовавшая затем Отечественная война на шесть лет прервала историю клада с Яблонового перевала.

Благополучно пережив военные и послевоенные годы, Рожнов в августе 1950 г. опять пишет в музей письмо, что медали он сохранил и готов передать их в музей за материальное вознаграждение. Его письмо, наверное, долго добиралось до Магадана, так как лишь в июне следующего года Хмелинин ответил, что музей согласен приобрести медали, только надо назвать цену. Рожнов запросил пять тысяч рублей (по тем временам сумму немалую), а к письму приложил рисунок одной из медалей в натуральную величину. Но на

ней изображения кентавра нет, а имеется обыкновенный орнамент, характерный для блях, которыми обычно украшалась одежда оленеводов. Эти сведения Рожнова вызвали у работников музея сомнения по поводу происхождения этих предметов, и поэтому музей согласился приобрести обе медали лишь за 100 руб., но при условии подробного описания места находки. Дальнейшая судьба этих медалей неизвестна. Скорее всего, музей их так и не получил, и они где-то затерялись в Ростове. Еще не завершилась переписка с Рожновым, а в журнале «Советская археология» за 1950 год была опубликована статья известного ученого А.П.Окладникова. Оказывается, в Сибири было достаточно много находок бронзовых зеркал с изображением кентавра. Особое внимание Окладников уделил описанию находки с Яблонового перевала, которую он датировал серединой XVII века. Выходит, что этот клад связан с какими-то древними событиями, происходившими еще до прихода русских землепроходцев? Как оказалось бронзовое зеркало с кентавром в распоряжении А.П. Окладникова, в статье не освещается. Может быть, у него была только фотография?

В 1958-1963 годах в Магаданском музее работал археолог Р.С. Васильевский. Им совершены многочисленные экспедиции по Охотскому побережью, результаты которых им обобщены в монографии «Происхождение и древняя культура коряков» (1971 г.). Написанная прекрасным языком, она является у меня настольной книгой, так как содержит массу сведений по истории Северо-Востока. А еще раньше, в 1961 году, Р.С. Васильевский опубликовал небольшую заметку в журнале «Магаданский оленевод», где дал описание еще одного бронзового зеркала, найденного в районе Яблонового перевала. На нем также изображен кентавр, но в совершенно другой манере, чем у зеркала, изученного А.П. Окладниковым. Получается, что этих зеркал было два? Или это другая находка? К сожалению, об этом не удалось расспросить Руслана Сергеевича, когда я с юными геологами, прибывшими на Сибирскую геологическую олимпиаду, встречался с ним в Новосибирском институте археологии и этнографии весной этого года.

Находки бронзовых зеркал, изготовленных в «зверином стиле», и тем более с изображением кентавров ставят много вопросов. А в последнее время к бронзовым зеркалам, особенно китайского происхождения, у ученых особое внимание. Оказывается, если направить на экран солнечный зайчик, отраженный от гладкой поверхности зеркала, то появляется изображение рисунка другой стороны зеркала. Как удалось древним мастерам добиться таких уникальных свойств, до сих пор не выяснено. Обладают ли такой особенностью колымские зеркала — еще предстоит выяснить.

Кто они хилеры?

О феноменальных особенностях филиппинских хилеров пишут давно. Эти народные целители умеют делать хирургические операции без ножа, одними пальцами так, что и следов не остается. Недавно мне попала на глаза одна статья, в которой было указано, что впервые документальное упоминание о подобных операциях филиппинских хилеров относится к 1943 году. Однако мне удалось найти любопытное свидетельство, опубликованное в «Историческом вестнике» за 1896 год, где описано хирургическое вмешательство, выполненное не где-нибудь, а у нас, на Северо-Востоке.

Автором этих сообщений является Иосиф Копец. Он родился 16 мая 1762 г. на территории нынешней Белоруссии. По примеру отца, кавалерийского офицера, Иосиф, достигнув совершеннолетия, тоже начал служить в кавалерии. Но в 1794 году он принимает участие в восстании под руководством Тадеуша Костюшко и в сражении под Мацеевицами вместе с Костюшко попадает в плен. Императрица Екатерина II заключила Костюшко в Петропавловскую крепость, а Копеца отправила в ссылку на Камчатку. Заступивший в 1796 году на российский престол Павел I амнистировал Костюшко, Копеца и еще 12 тысяч поляков. И вот Копец зимой отправляется с Камчатки на Чукотку, Охотск и дальше на запад. По дороге домой на его долю выпало немало приключений.

Путешествие от Нижне-Камчатска до Охотска длилось два месяца. Дальше надо было двигаться к Якутску. А теперь предоставим слово самому путешественнику.

«Перед отъездом из Охотска я сильно захворал. Образовалась у меня, не знаю от чего, ниже груди опухоль величиной больше созревшего яблока. Она причиняла мне величайшую тошноту и страшно давила. Доктора, который мог бы посоветовать, там не было. Хозяин мой, сибиряк, отставной матрос, предлагал мне обратиться к тунгусским шаманкам, которые отличаются большими чудесами, нежели камчатские. Будучи в таком беспомощном положении, почти что без чувств, я вполне отдался лечению шаманок. По приглашению хозяина пришли две преотвратительнейшие бабы в своих удивительных одеяниях. Осматривали меня, дотыкались до моей опухоли и отскакивали, говоря, что камчадалские сивиллы (прорицательницы) из зависти наслали на меня своего дьявола и бросили в море кость. Трудно будет его выгнать, но мы его выгоним. Хозяин учил меня согласиться на все, что только они захотят делать со мной.

Сивиллы принесли с собой сухие кедровые деревца и большую каменную плиту, на которой разложили огонь, а мне велели усесться не очень высоко и ничего не пугаться. Потом начали на своем языке что-то говорить огню. Затем одна из них поползла ко мне, рыча по-медвежьи, и, приблизившись на шаг, бросилась на меня, стала рвать зубами мое платье до самого тела, где образовалась опухоль. После упала навзничь, как бы в конвульсиях, и покатилась к огню. Хозяин советовал смотреть на ее рот. Тут я увидел, что у нее в зубах шевелится большой черный червяк. «Видите, — сказал мне хозяин, — она достала дьявола». Другая ее товарка вырвала червяка изо рта и бросила в огонь. Потом они начали смеяться и скакать, радуясь своей победе. Взявши плату, ушли. Ошеломили они меня своим фиглярством, и мне показалось, будто я чувствую некоторое облегчение, но на другой день боль возобновилась».

Как видно из этого описания, Иосиф Копец не поверил тунгусским хилерам. Да и один якобы из очевидцев, побывавших на Филиппинах и испытавший на себе операции хилеров, пришел к следующему

выводу: «Я не скажу со стопроцентной уверенностью, кто такие хилеры — обманщики или боги».

Но вернемся к путешествию Иосифа Копеца. Его поразили другой факт. Еще до приезда в Ижигинск (Гижига) он встретился в пути со священником, который рассказал ему о чудодейственных свойствах мухомора. Как известно, этот гриб, обладающий галлюциногенными свойствами, издревле употребляется северными народами. И вот священник уговаривает его съесть целый гриб, и в несколько минут он заснул. Опять предоставим слово Иосифу Копецу.

«Пробудился я спустя несколько часов, как бы посланный с того света, чтобы меня исповедал миссионер. Кажется, что была полночь, когда я разбудил священника. Он взял епитрахиль и исповедовал меня. В течение часа я опять заснул и спал 24 часа. Не смею вспоминать о моих страшных видениях в этом сне: где я был и что видел. Упомяну лишь, что с того времени, как я стал разуметь, от лет пяти или шести, вся последующая жизнь, все лица, каких я только знал и с которыми соединяла меня приязнь, всякие забавы и труды по очереди, день за днем, год за годом и напоследок все будущее, — все это я видел перед собою. Впоследствии этот гриб причинил мне немалое беспокойство, так как некоторые из моих сонных видений оправдались.»

Рассказы Копеца о нравах и обычаях варварской Сибири, конечно же, поразили европейцев, его записки неоднократно публиковались в Европе, а после смерти в 1827 году — и в России. С наиболее полным описанием его путешествия мне удалось познакомиться в Государственной публичной библиотеке в Москве. На мой взгляд, выдержки из книг Лессепса¹, Копеца, Редовского, посетивших Охотское побережье двести лет тому назад, следует опубликовать отдельной книгой. Она будет полезна всем, прежде всего молодому поколению.

¹ См. Ж.-Б.-Б. Лессепс «Лессепсово путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири в течение 1787 и 1788 годов» - прим. OCR.

Миф о «Золотой руине»

В прошлые годы в каждой геологоразведочной экспедиции была заведена специальная папка с заявками от местного населения о находках полезных ископаемых. Чаще всего это были сообщения о высыпках угля и масляных пятнах на болотах, а также о минералах, привлечших внимание охотников и оленеводов своим блеском. Как правило, профессионалы-геологи на такие «открытия» не обращали внимания.

Была такая папка и в Омсукчанской экспедиции. Главный геолог экспедиции Карл Львович Львов, приветствуя мою увлеченность историей Омсукчанского района, как-то показал ее и обратил мое внимание на сообщение о «золотой руине».

Прошло более четверти века с того времени, многое стерлось в памяти, но с некоторых документов я предусмотрительно снял копии, завел собственную папку под названием «Золотая руина», обозначил дату сбора материалов — ноябрь 1974 года — и отметил, что эти материалы надо хранить до открытия месторождения. Через некоторое время я понял, что это всего лишь миф, и папка с материалами до сих пор пылится в моем архиве. Но в связи с тем, что легенда о «золотой руине» временами всплывает из реки забвения и начинает будоражить умы следующих поколений геологов, я постараюсь в максимальной степени правдоподобно изложить эту историю и расставить все точки над і.

Все началось в феврале 1958 года с письма гражданина Русакова из Восточно-Казахстанской области. Он сообщил в отдел кадров оловянного рудника «Галимый», что у него есть сведения о богатых залежах золота в 25 км от пос. Меренга — в правую сторону, в гору по направлению к пос. Буксунда. Тогдашний директор рудника Браунс направил это сообщение в Омсукчанскую экспедицию. Главный инженер экспедиции Ю.П. Рожков известил об этом Русакова и попросил прислать более подробные сведения. Тот в ответном письме написал, что у Ульяны Федосеевны Шешуковой, проживающей вместе с зятем в местечке Сокотуха, имеется какое-то зашифрованное письмо от 3 июня 1948 года, которое якобы прислал

ее сын, с известием о находках золота. Сам Русаков письма не видел, но почему-то был уверен в богатстве месторождения. В следующем письме он сообщил, что зять Шешуковой по пьяной лавочке порвал зашифрованное послание, но Русаков успел его скопировать. Высылая 21 марта 1958 года копию, он ненавязчиво предложил свои услуги по определению месторождения золотой залежи. А через 4 дня им было отправлено следующее письмо, в котором он передал содержание разговора с зятем Шешуковой. Якобы тот вспомнил, что 28 декабря 1948 года было еще одно письмо, в котором сын Шешуковой уже без шифровки писал, что им вместе с товарищем найдено месторождение. Концентрация золота была столь высокая, что при промывке 5 лотков было извлечено 1 кг 870 г шлихового золота. (Фантастика! Такого форта ни один старатель даже во сне не видел). В этом письме Русаков уже настойчиво просил выслать вызов ему и его семье, а также 6 тысяч рублей на проезд в Омсукчан, мотивируя это тем, что только он сможет расшифровать письмо от 3 июня 1948 года. Действительно, попытки с помощью грузин, казахов, армян, и даже работников Министерства государственной безопасности, прочитать это письмо, состоящее из кавычек, запятых, точек, всевозможных закорючек, оказались безуспешными. Но зря Русаков сомневался в способностях советских геологов. Главный инженер экспедиции Юрий Павлович Рожков с женой Валентиной Кузьминичной, наверное, не одну бессонную ночь провели за расшифровкой этого «арабского» письма, но 19 апреля 1958 года стало известно его содержание, которое я привожу с сохранением орфографии:

«Мне лично хотелось бы остаться живым и довести это все до исключительного конца правда может зависеть оттого чтобы мне поверили и если бы да! но этот бассейн рассыпного золота как уже понял просто небылица чудесный клад надо же думать как будто кто его специально свозил и высыпал в эту пологообразные котловины если не останусь жив то кто либо пусть будет счастливый за упокой мой только следует зашифровать линию движению с Магадана и место пребывания золотого склада а дальше куда этот план? Только послать шешуковой улъяне федосеевне а там придет время

разберутся а нет ну и пусть нет!!! но я слишком обижен и воздержусь быть звукоподобным эхом прощая золотая руина! шешуков».

По прилагаемым схемам были также расшифрованы названия Магадан, бухта Нагаева, бухта Гертнера, бухта Пестрая Дресва, Труба, Альчик (по всей видимости р. Алика, правый приток р. Вилига), Меренга, Омсукчан, Мусунга (так в письмах Русакова дополнительно указывается другое название пос. Буксунда). После продолжительных дебатов консилиум омсукчанских геологов в составе Спешкова, Грачева и Рожкова пришел к выводу, что загадочное месторождение находится в бассейне ручья Озерного, правого притока речки Иннач, в свою очередь, являющемся левым притоком Вилиги, впадающей в бухту Пестрая Дресва. Бассейн ручья Озерного района не был охвачен поисковыми работами, и в июне 1958 года первые руководители Омсукчанской экспедиции (небывалый случай) — начальник Грачев и главный инженер Рожков отправились туда провести шлиховое опробование. Но... результаты получились отрицательными.

Почему-то целый год переписка с Русаковым не велась, но в связи с организацией в том же районе Анманныканской поисковой партии, начальник которой А.П. Пугаев очень заинтересовался сведениями о «золотой руине», с целью получения дополнительных сведений начальник Омсукчанской экспедиции Грачев направляет 12 мая 1959 года Русакову письмо следующего содержания:

«Тов. Русаков! После получения Ваших писем в 1958 году на большой территории (между Меренгой и Буюндой) были организованы поиски. В результате этих поисков открыто месторождение. Для того, чтобы внести Вас в список первооткрывателей, для выплаты вознаграждения, нам нужны более точные данные о расположении известного Вам месторождения, так как Ваш план очень схематичен и, возможно, это не то месторождение, о котором Вы говорите. Ответ сообщите по адресу: Магаданская область, пос. Омсукчан, КГРЭ. Начальник геолого-поисковой экспедиции Грачев».

Получив такое сообщение, Русаков, наверное, несказанно обрадовался. Наступил его звездный час! Он незамедлительно написал Грачеву в мае, а потом еще раз в июне о том, что подтверждает

местонахождение богатой залежи между Меренгой и Буксундой. Но к этому времени произошла реорганизация, Омсукчанская экспедиция превратилась в Омсукчанскую группу партий, которая стала относиться уже к Приморской комплексной экспедиции, базировавшейся в пос. Хасын. Сам же Грачев отбыл в отпуск, и письма Русакова пролежали без ответа. Этому Русаков не знал и направил жалобу в главк, в Москву, откуда в Омсукчан незамедлительно поступил запрос. Тут-то и выяснилось, что Грачев опрометчиво заявил об открытии месторождения в указанном Русаковым районе. «Повидимому, сообщенные Вами сведения или недостоверны, или основаны на случайной находке, не имеющей промышленного значения», — отвечает Русакову уже главный инженер Северо-Восточного геологического управления Скорина. Копия ответа была отправлена и в главк, председателю комиссии по делам первооткрывателей К.П. Коршунову. А начальнику Омсукчанской группы партий В.А. Грачеву после возвращения из отпуска пришлось еще и писать вышестоящему начальству объяснительную записку, (Кстати, это не повлияло на дальнейшую карьеру Грачева и впоследствии он стал заместителем министра геологии). Послано было и Русакову письмо, в котором Грачев покался в совершенном поступке. В свою очередь Русаков пишет обиженное письмо Грачеву, что тот, находясь в отпуске, не заехал к нему, и извещает Грачева о своем намерении приехать в Омсукчан, если не с помощью И.Е. Драбкина (тогда начальника СВГУ), то через председателя комиссии по делам первооткрывателей при Совмине РСФСР.

Но и на этом Русаков не успокоился. 8 марта 1960 года он пишет письмо в пос. Меренга председателю орочанского коллектива охотников, и просит сообщить, какого числа и месяца 1959 года геологоразведочная экспедиция под руководством начальника геолого-поисковой партии В.А. Грачева открыла месторождение россыпного золота, находящегося между Буксундой и Меренгой, и когда прииск начнет работу. При этом он представился начальником группы партий по экспедиции.

Этим письмом и заканчивались сведения о «золотой руине» по состоянию на 1960 год. Русаков так и не попал в Омсукчан. По всей

видимости, московское и магаданское начальство не дало ему возможности лично принять участие в поисках (В связи с этим мне вспоминается история столь же безуспешных поисков Серебряной горы на Чукотке, когда туда в 1962 году был приглашен житель Одессы Уваров. Чем все это закончилось, лучше всех писал Владимир Эрвайс в повести-хронике «Письма о Пильхэрти-Нейке», опубликованной в альманахе «На Севере Дальнем» в феврале 1986 года).

Познакомившись в 1974 году с письмами Русакова, я, конечно же, интересовался сведениями о фантастически богатой залежи золота. Но, в который раз, я убеждаюсь, как мир тесен. В 1973 году в поисково-разведочной партии, где работал и я, отличался своим трудолюбием и мастерством плотник Сергей Русаков. Он был родом из тех же мест, что и его однофамилец, так много писавший о «золотой руине». Еще вспомнилось, рассказывал о своем дяде, вроде бы когда-то работавшем на Севере. Однако, когда я познакомился с перепиской о «золотой руине», Сергея уже не было в Омсукчане.

Через отдел кадров я разыскал его материковский адрес и спросил в письме: не является ли ему родственником Петр Иванович Русаков? Сначала он ответил, что, действительно, этот Русаков приходится приемным сыном его дяди и действительно весной 1955 года вернулся с Колымы, куда попал за подделку документов. Но три года назад этот Русаков умер. Однако в следующем письме Сергей уже сообщил, что Петр Иванович Русаков жив, и дал его адрес, а вот о Шешуковой, о которой я тоже запрашивал, ничего не узнал. Только я успел отправить письмо Петру Русакову, как неожиданно от него самого получаю известие. Нет, это был не ответ на мое письмо. Просто до него дошли слухи, что я разыскиваю его и Шешукову Ульяну Федосеевну, и он сам написал мне. В этом письме он сообщил, что Шешукова Ульяна Федосеевна приходится ему тетей, а Шешуков Михаил Филиппович — двоюродным братом, который уехал на розыски своего отца в 1933 году, и с тех пор о нем ничего не известно. Но о богатом золоте в районе Омсукчана — ни слова. Тем не менее завязалась переписка, в результате которой выяснилась истинная история открытия «золотой руины».

Петр Русаков оказался в Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерях, имея три года срока. 2 июня 1940 года в составе этапа в количестве 110 человек он прибыл из Магадана в бухту Пестрая Дресва, а затем пешком — на омсукчанские рудники, которые тогда только начинали работать. Собирал оловянную руду, бил канавы. И под влиянием рассказов уже бывалых заключенных о предстоящей суровой зиме решил бежать. Он и его товарищ пошли назад, к Пестрой Дресве, обходя дорогу. Во время одной из стоянок Русаков пошел набрать в котелок воды и в ручье обнаружил странные камни. Раньше он не имел понятия о россыпном золоте и видел золото только ювелирное. Однако его товарищ, которому Русаков показал место находки, сразу же заявил, что это богатая залежь и не надо никому об этом говорить, а года через три вернуться и самим начать разработку. Потом пути их разошлись. Они встретили еще троих беглецов, и его напарник ушел с ними в сторону Камчатки. Русаков же, назвавшись Шешуковым, сдался властям. Потом были скитания по многочисленным лагерям и три года срока растянулись на 14 лет. Он неоднократно обращался в геолого-разведочное управление по поводу своей находки, но от него отмахивались, считая все это выдумкой. По всей видимости, в те годы подобных заявлений было много.

Когда я получил от Русакова подробности о находке «золотой руины», то все сразу же встало на свои места. Ясно, что найденное им богатое золото было не чем иным, как пиритом, золотистый цвет которого обманул не одного неудачливого золотоискателя. С моими доводами согласился и главный геолог Омсукчанской экспедиции К.Л. Львов.

В 1976 году для обследования водораздела рек Вилига и Буксунда была организована Оттохская геолого-съемочная партия, в которую я попросил направление. Коллектив подобрался исключительно молодежный. Я был самым старым: мне было тридцать лет. Остальные — молодые специалисты и практиканты: геологи Петя Лукин, Женя Комогорцев, Галя Зеленкова, горный мастер Саша Кушниренко, студенты Галя Бердышева и Витя Яровой. Мы тщательно проработали материалы всех предшественников и до

начала полевых работ пришли к выводу о возможном выявлении трех (!) месторождений. В бассейне ручья Снежный было найдено вольфрам-молибденовое проявление (которое в будущем еще заявит о себе!). Были интересные находки ископаемой фауны, в том числе отпечатки рыб, обитавших в море триасового периода. А в обрывах ручья Мосичан, левого притока реки Вилига, как раз на тропе, по которой кочевали оленеводы из Меренги в Буксунду, мы обнаружили жилы чистого пирита, которые и ввели в заблуждение Петра Русакова. Так закончилась история с «золотой руиной».

Первый поход на Гижигу

В семнадцатом веке освоение Северо-Востока сначала происходило двумя путями. Одни отряды русских землепроходцев, добравшись до Охотского побережья из Якутского острога, шли дальше на восток «навстречь солнцу» по берегу или плыли на кочах. Так появились первые русские поселения в районе рек Мотыклей и Тауй. Другие — с Колымы из Нижнего ясадного зимовья по суше проникали в бассейн Анадыря и от Анадырского острога двигались на юго-запад и попадали на Охотское побережье через реку Пенжину.

Такое освоение Северо-Востока приводило к нестыковке рукописных чертежей, составленных землепроходцами. Так на первых картах Северо-Востока, представленных в 1701 году в Чертежной книге Сибири, составленной тобольским картографом Семеном Ремезовым в 1701 г., факсимильная (1882 г.) копия которой хранится в фондах Магаданского областного краеведческого музея, рядом с рекой Тауй уже показана река Пенжина. Таким образом, огромная территория Охотского побережья на расстоянии более 1 000 километров отсутствовала на этих чертежах.

Первым, кто сумел пробраться с Колымы на Охотское побережье, был отряд казака Ивана Баранова. Долгое время я, вслед за известными российскими историками, считал, что этот поход на Гижигу был совершен одновременно с Михаилом Стадухиным, который осенью 1651 года обосновался в устье реки Гижига на зимовку. Однако внимательное изучение челобитных казака Ивана

Баранова, опубликованных историком М.И. Беловым в 1952 г. в книге «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», дало возможность установить более точные даты его похода.

В начале 40-х годов XVII века русские землепроходцы начали интенсивно осваивать реку Колыму. Один за другим стали появляться ясашные зимовья. Здесь собираются многочисленные ватаги служивых, торговцев, промышленников соболя. К 1647 году их было около четырехсот человек. Все они обуяны страстью двигаться дальше. Им грезятся неизвестные края, богатые пушниной, серебром, рыбьей костью (моржовыми клыками). А для служилых же первое дело — сбор ясака с аборигенов. Однако встречи с ними не всегда заканчивались дружелюбно. Это в честь погибшего казака Дмитрия Зыряна названа река Зырянка, левый приток реки Колымы. Возможно, что в честь другого погибшего землепроходца — Семена Шубина нынешняя река Буюнда ранее называлась его именем.

В 1645 году на Колыме появляется казак Иван Абрамович Баранов. До этого он нес службу на реках Индигирке и Яне. Еще два года ему предстоит собирать ясак с нижнеколымских юкагиров. Однако, завороженный рассказами о «дальних реках», в 1647 году он бросает службу и, примкнув к отряду Семена Дежнева, отправляется морем дальше на восток. Но «был в тоя поры на море лед непроходимый», и отряд Семена Дежнева вынужден был вернуться назад.

Имея клеймо «беглого», Баранову не удалось уговорить колымского приказчика Второго Гаврилова опять взять на службу. Лишь с приходом другого приказчика Василия Власьева, под началом которого когда-то служил Баранов, он опять приобрел статус «служилого». А в 1648 году Семен Дежнев опять отправляется в плавание. Но в его отряде нет Баранова.

Наверное, Баранов был в верховьях Колымы, где и услышал от юкагиров о реке Чондон. В феврале 1649 года он подает челобитную сыну боярскому Василию Власьеву с просьбой отпустить его на государеву службу на Чондон и на иные сторонние реки, где проживают неясачные юкагиры, которые русских людей еще не видали и, соответственно, ясак не платят. Власьев дает свое согласие,

и Баранов начинает закупать все необходимое для похода. Вот что он сообщает: «Муку покупал по семи рублей пуд и больше, сетей неводных сажень по рублю, сети пушальницы по четыре рубля, меди красной и зеленой фунт по рублю, топоры по два рубля, собаки нартные по пятнадцать рублей, юколы по два рубля, кости собачьи по рублю, лыжи по четыре рубля, нарты по три рубля, сукна белого по полтине аршин, холста тонкого по четыре гривны аршин, пищали по сорок рублей, свинца фунт по рублю» и т.д., и т.п. Как видим, средства для организации похода потребовались немалые. Откуда у простого казака, получавшего в год 5 рублей жалованья, 30 пудов ржи, 10 пудов овса, да 1,5 пуда соли, взялись такие деньги? Оказывается, с ним отправилось еще 35 человек промысловиков, которые, наверное, и дали ему ссуду. Одних же промысловиков приказчик отпустить не мог, так как они могли скупить всю пушнину у юкагиров и оставить царя без ясака. Аналогичная история была и с походом Семена Дежнева, который являлся лишь представителем царской власти, а все снаряжение было закуплено на средства Федота Попова, представителя московского купца Усова.

И вот отправляется отряд Баранова «на нартах через гору на Чондон». Сначала они двигались по реке Быстрой. Что это за река Быстрая? По всей видимости, речь идет о Коркодоне, правом притоке реки Колымы. А что скрывается под названием Коркодон? То, что это юкагирское название, ни у кого сомнений не вызывает. Именно для юкагирских топонимов типично окончание «дон (дан)», что означает «вода, река».

Известный этнограф В.А. Туголуков считает, что «коркодон» с юкагирского языка переводится как «сорочья река». Обитавшие там сороки своим криком предупреждали юкагиров о приближении коряков, совершавших набеги на Колыму с Охотского побережья. Но с этой версией трудно согласиться.

Более достоверной является гипотеза юкагира Г.Н. Курилова, показавшего составителям «Топонимического словаря Северо-Востока СССР» В.В. Леонтьеву и К.А. Новиковой, что Коркодон переводится как «скачущая или бурная река», а бурная, значит, и

быстрая. По всей видимости, Баранов знал перевод юкагирского названия.

Затем отряд Баранова переваливает в неизвестную реку, которую тогда Баранов назвал по-русски — Блудная. Наверное, в память о первом походе русских землепроходцев до сих пор речки, стекающие с этого перевала в сторону Коркодона, так и в сторону Омолона, называются Русская Коркодонская и Русская Омолонская. Лишь потом станет ясно, что река Блудная — это и есть Омолон. А пока Баранов основывает зимовье на Блудной в устье притока Бараниха, откуда совершает поход на реку Чондон.

Поднявшись на камень (Охотско-Колымский водораздел), землепроходцы встретили юкагиров. Они-то и рассказали, что река Блудная является притоком реки Колымы, куда впадает выше Нижнего ясадного зимовья. Захватив аманатов (заложников), Баранов отправляет их с ясаком в 20 соболей на Колыму, в Верхнее ясадное зимовье. Впоследствии эти аманаты просили перевести их на реку Блудную, так как их сородичам отвозить ясак по реке Быстрой в Верхнее ясадное зимовье опасно. Зимовье, основанное Барановым на реке Блудной, еще долго будет существовать, а река Блудная, как приток Колымы, будет показана на первых картах Северо-Востока. Но потом выяснится, что у этой реки есть другое название — Омолон, что с юкагирского языка переводится как «хорошая», по всей видимости, из-за богатства оленьими пастбищами, рыбой, лосями и другими природными богатствами.

Выйдя на реку Чондон, отряд русских землепроходцев далеко вниз по ней не спускался и поэтому не встретил коряков, которые называли эту реку Изигой, на современных картах известной под названием Гижига. Ничего не знали об отряде Баранова и сами коряки, в противном случае они бы рассказали об этом походе Михаилу Стадухину, зимовавшему в устье Гижиги в 1651-52 годах.

Сколько времени Баранов находился на реке Чондон — неизвестно. Сам он сообщает в челобитной о выдаче ему жалованья за службу на реке Чондон, что она была подана в 7159 году (от сотворения мира), но в каком месяце — сведений нет. Если это произошло в период с 1 сентября по 31 декабря, то это будет соответствовать по

современному летоисчислению от рождества Христова в 1650 году, а если в период с 1 января по 31 августа — то в 1651 году. Так или иначе, но все равно Иван Баранов раньше, чем Михаил Стадухин побывал на реке Чондон — Гижиге.

Поход русских землепроходцев под руководством Ивана Баранова сыграл большую роль в освоении Северо-Востока. После него стал известен путь на реку Чондон (Гижига) и туда начали отправляться новые отряды, а на картах появились новые реки: Быстрая (Коркодон), Блудная (Омолон), Чондон (Гижига).

Скифский след в Магадане

Магадан — относительно молодой город. Он появился на карте после того, как в результате I и II Колымских экспедиций были открыты богатые россыпи золота и начал осваиваться огромный северо-восточный край. Долгое время Магадан был на слуху у людей советской эпохи и является символом каторжной территории Колымского края, одного из островов архипелага ГУЛАГ. Однако, несмотря на «популярность» этого географического названия, до сих пор не ясно, что же в имени его. Уже около 20 лет не утихают споры вокруг этого топонима. О возможных версиях его происхождения много написано магаданскими историками А. Козловым и Д. Райзманом. Мы не будем подробно останавливаться на них, а только лишь упомянем версии, опубликованные в печати.

Большинство исследователей считают, что название «Магадан» эвенского происхождения. Вообще-то, первоначально существовало различное написание этого топонима: Монгодан, Монгодон, Магадон и другие, пока не укоренилось современное звучание. Несмотря на то, что информаторы были эвены, каждый из них предлагал свой вариант. Магадан это: 1 — морские наносы, 2 — скопление плавника, 3 — жилище из плавника, 4 — имя эвена Магды, 5 — название ритуала поклонения воде, 6 — сходство очертаний берегов реки Магаданки с двумя продольными бортами нарты.

Есть версии и о русскоязычном происхождении названия Магадан, например, от сокращенного написания слова «магнитная аномалия»

— «маг. ан.». Писатель Виктор Урин и астролог Тамара Глоба увидели в названии города указание на то, что это он магом (волшебником) дан. Знатоки библии находят истоки названия Магадан из древнееврейского города — Маггедон, известного по откровению апостола Иоанна, где произойдет последняя битва Господа Бога с дьяволом. А вот журналист Олег Натаров предположил, что Магадан — это английское «*my garden*», то есть «мой сад». Заверю читателя, что это была всего лишь шутка, но топонимы англоязычного происхождения встречаются на Охотском побережье. Одно время на острове Пьягина один из мысов был известен под названием Янкидуды, которое дали американские строители телеграфной линии. Некоторые исследователи название мыса Колдерентин, упомянутого Степаном Крашенинниковым в книге «Описание земли Камчатки», переводят с английского как «уголь здесь тонкий». Житель города Магадана А. Лохвицкий увидел сходство горы Каменный Венец с дымовым отверстием в яранге, которое по-чукотски звучит как «мокодан». По его мнению, в этом чукотском слове и следует искать корни топонима «Магадан» (см. газету «Дневник Колымы» от 24 января 2002 г.).

Научный сотрудник СВКНИИ геолог Борис Важенин считает, что именно тюркское слово «майдан», то есть «место встречи», появившееся от якутов, живших на Охотском побережье, затем трансформировалось в название «Магадан». А в эвенском языке есть аналогичное слово — «дзялбу» — место встречи экзогемных эвенских родов, о чем писала У. Попова в книге «Эвены Магаданской области».

Другой сотрудник СВКНИИ историк Сергей Дворянинов построил свою версию с помощью синтеза различных языков. Слово «мокодан», хотя и переводится из многих языков как «дымовое отверстие», на самом деле связано с туманом, который, подобно дыму, затягивает бухту. Эту гипотезу он подкрепляет собственными объяснениями других топонимов окрестностей города Магадана. В частности, Волок, русское название бухты Нагаева, — это означает не перетаскивание грузов по суше, а выволакивание туманом. Марчекан — это не эвенское название, а русское от слов «мрак», «мгла».

Мивкан, название одной из бухт, — это корякское слово, переводимое как «сумеречное место».

Гипотезы Б. Важенина и С. Дворянинова опубликованы в сборнике, посвященном 70-летию Дальстроя, где с ними можно ознакомиться.

Как видим, версий происхождения названия «Магадан» множество, и я тоже не избежал соблазна найти разгадку. Свой плод многолетних размышлений я и выношу на суд читателя.

Прежде всего, отметим, что даже у эвенов, давно населяющих Охотское побережье, нет единого мнения по вопросу происхождения этого названия. Во-вторых, топоним «Магадан» и его первоначальные вариации «монгодан, монгодон, магадон» не встречаются на картах, хотя на побережье много бухт с наносами плавника. В-третьих, окончание -дан (-дон) не встречается в эвенских топонимах. В-четвертых, эвенское название бухты Гертнера — совсем не Монгодан, а Мивкан и связано с наличием в бухте островов Кекурный (Монах), Три Брата, каждый из которых похож на сердечко.

Получается, что название Магадан вовсе не эвенского происхождения. Окончания -дон (-дан) в топонимах давно привлекают внимание лингвистов. Еще в 1926 году языковед В.Б. Шостакович отметил повышенную встречаемость подобных окончаний в географических названиях Южной Сибири, где находится древняя родина скифов. В настоящее время носителями скифского языка являются осетины, и на Северном Кавказе много осетинских названий с окончанием -дон, что означает «вода, река»: Кармадон, Ардон, Садон и другие. Но В.Б. Шостаковича удивил другой факт. Второй ареал названий с окончаниями -дан, -дон находится в бассейне рек Лены, Колымы, Анадыря и смежных территорий. Это реки с нынешними названиями Кордокон, Кедон, Ярходон, Алдан, древними названиями Гижиги, Ясачной, Нелемной, Сугоя — соответственно Чендон, Чахадан, Нунгедан, Шоудан. Идею Шостаковича о связи окончаний -дон, -дан в юкагирских названиях со скифскими словами «вода», «река» в 1964 году поддержал известный исследователь географических названий Восточной Сибири А.П. Дульзон. Отсюда можно сделать вывод, что юкагиры —

потомки скифов, одна ветвь которых расселилась в Причерноморье (река Дон — это тоже скифское название), а другая — отправилась на северо-восток и дальше в Америку, дав начало индейской расе. Об этом еще в средние века писали многие исследователи и миссионеры.

Юкагиры — загадочная северная народность, когда-то занимавшая огромную территорию от Охотского моря до Северного Ледовитого океана. Следы их расселения можно найти в Приморье и Приамурье, где встречаются также названия с окончаниями -дон (-дан). Юкагиров было так много, что якуты, жившие когда-то в Прибалтике, считали, что северное сияние — не что иное, как отблески юкагирских костров. На территории, когда-то занятой юкагирами, находили огромные бронзовые и медные котлы. В XVII веке русские землепроходцы пытались их отыскать, но безуспешно. По всей видимости, эти котлы были использованы другими народностями для изготовления других предметов обихода. При археологических раскопках было обнаружено большое количество предметов быта с изображением лошадей, собак, оленей так называемым «звериным стилем», типичным для скифов, о чем писал известный археолог, академик А.П. Окладников. А однажды на Алдане был обнаружен короткий бронзовый меч, настоящий скифский акинак. До сих пор непонятно, откуда у юкагиров появились бронзовые зеркала с изображением кентавров. Они были найдены и в Магаданской области в районе Яблонового перевала. Одно время я с воодушевлением воспринял находки археологом Н.Н. Диковым и геологом В.Е. Готовым иероглифов с изображением оленя и загадочной птицы Гаруды на валунах в окрестностях Магадана. Н.Н. Диков интерпретировал их как скифские. Но, как оказалось впоследствии, это были всего лишь современные копии, и мне удалось найти не только книгу с подобными рисунками, но и человека, сделавшего эти иероглифы. Однако это не уменьшило моей уверенности в том, что скифы прошли по Северо-Востоку и, в частности, по Охотскому побережью.

В легендах народов Севера упоминается, что некоторые юкагирские племена уходили куда-то на север, на острова Северного

Ледовитого океана, а возможно, и в Америку. Многие из них опять вернулись обратно в Азию. Так считал известный русский этнограф В.И. Йохельсон. Другие ученые эту гипотезу не поддержали, но впоследствии советский антрополог Г.Ф. Дебец установил сходство юкагиров, населявших Северо-Восток, со скелетами их захоронения на Аляске.

Вернемся к названию «Магадан» и его первоначальным вариациям (Монгодан, Монгодон, Могодан) и попытаемся расшифровать его с позиции юкагирского языка. Мы уже упоминали, что окончание -дон (-дан) восходит к древним скифским словам «вода», «река» и это окончание сохранилось в многочисленных юкагирских названиях рек. Возможно, что оно относилось и к морским заливам и бухтам. Например, Амохтонский залив, где, по мнению историка Б.О. Долгих, жили юкагиры, ранее назывался Омоктон. Омоки — это древнее юкагирское племя. В окончании -тон звонкий звук «д» оказался замененным на глухой звук «т», и, таким образом, «омокдон» можно перевести с юкагирского языка как «залив юкагиров». На берегах этого залива находится и современный Магадан. Слово «монго» («монхо») на юкагирском языке означает «курган», то есть «монгодон» — это бухта с курганами или утесами. Как отмечалось мною ранее, у эвенов бухта Гертнера имела название Мивкан, то есть «имеющая острова в виде маленьких сердец». У юкагиров они ассоциировались с курганами или просто утесами. А курганы, как места захоронений, были распространены у скифов. Встречаются ли курганы на Северо-Востоке? Еще Юрий Розенфельд, один из первых директоров Охотско-Колымского музея и одновременно заключенный, отмечал в своих неопубликованных записках, что на водоразделе рек Купка и Арбутла имеется курган, где, по рассказам тунгусов, захоронен какой-то князь доисторической эпохи. Как известно, до принятия христианства тунгусы хоронили своих сородичей в гробах на деревьях, а коряки — сжигали. Имеется много упоминаний о курганах и в других местах: на речках Аня, Хасын, Яна и на водоразделе Омолона и Гижиги. Один из курганов находится на слиянии рек Кава и Челомджа. Он явно насыпной, так как возраст четвертичных отложений, слагающих его, по данным геологов, более

древний, чем в окружающих местах. Более того, в вершине его имеется углубление. По всей видимости, кто-то пытался раскопать его.

Таким образом, Магадан — это искаженное юкагирское название бухты с курганами или утесами. В связи с этим представляется интересным вспомнить упоминание журналистом И. Гехтманом в книге «Золотая Колыма» (1937 г.), что название Манхеттан (Нью-Йорк) с ирокезского переводится как «морские утесы», что свидетельствовало о родстве северных народностей с американскими. Также о сходстве языка юкагиров с языками индейцев Северной Америки указывал и упомянутый выше этнограф В. Йохельсон. Хорошо бы узнать мнение американских ученых, занимающихся изучением географических названий.

Сколько ковчегов было у Ноя?

Так озаглавлена статья Александра Редько в специальном выпуске газеты «Оракул», посвященном загадкам истории. Почему возник такой вопрос? Из Библии известно, что ковчег Ноя после потопа остановился на горах Араратских. Но на какой именно горе? Еще в XIV веке н.э. монах Винсент де Бове первым предположил, что ковчег находится на горе Арарат. Впоследствии путешественник Марко Поло поднялся на гору и даже видел ковчег. Потом там побывали многочисленные исследователи, в том числе и российские. Вроде бы экспедиция, направленная еще царским правительством, привезла неоспоримые доказательства нахождения Ноева ковчега на горе Арарат, но в смутное время событий 1917 г. результаты экспедиции загадочно исчезли.

Однако не все согласны с тем, что ковчег находится на горе Арарат. Так, в Коране утверждается, что ковчег находится на горе Джуди-даг в тех же Араратских горах, но в 20-30 километрах южнее горы Арарат. Эту гору исследовали около трех десятков экспедиций и тоже доставили доказательства наличия там ковчега. Но принадлежал ли он Ною?

В 2002 году российская экспедиция, участником которой был А. Редько, пыталась изучить ковчег на горах Арарат и Джуди-даг, но турецкое правительство не дало разрешения приблизиться к ним. Удалось лишь сфотографировать останки ковчега на г. Джуди-даг на расстоянии 300 м.

Но останки ковчегов встречаются в других местах.

Занимаясь историей Северо-Востока, я неоднократно встречал упоминания о ковчехах, которые находили здесь. Так, в «Месяцеслове» на 1769 год опубликовано следующее: «От некоторого старика, якутского сына боярского, я слышал, будто в сих местах есть гора, на которой нашли якорь». Кто автор этих строк, неизвестно. Возможно, это был академик И.Э. Фишер, часто публиковавший без подписи свои заметки в «Месяцеслове». А вот что пишет Фердинанд Врангель, известный исследователь Севера-Востока: «Тунгусы, встреченные нами впоследствии, рассказывали, что на вершине одной из Верхоянских гор находятся остатки большого мореходного судна». Более конкретные сведения о местонахождении этого судна можно найти у И. Сельского, описавшего свое путешествие от Якутска до Среднеколымского в 1856 году в записках Сибирского отдела Императорского Русского географического общества: «Если верить на слово рассказам туземцев, то они в 100 верстах от Верхоянска на вершине высочайшей горы видели дно от барка или судна, и будто в такой целости, что даже деревянные гвозди, которыми были укреплены нагели, уцелели от разрушения». Есть сведения о судах, которые видели в других местах Северо-Востока. Известному писателю Сергею Маркову удалось обнаружить рукопись иркутского землемера Ивана Кожевина, выдержки из которой он опубликовал в книге «Земной круг». Иван Кожевин совершил несколько путешествий по Северо-Востоку, в том числе он сопровождал натуралиста Ивана Редовского в 1806-1807 годах в его экспедиции по Охотскому побережью.

Так, Иван Кожевин сообщает, что «на горах в Зашиверском уезде близ селения Шанского из самого толстого лесу строенное судно (коч) находится». Село Шанское расположено на побережье реки

Индигирки, а горная местность располагается между Индигиркой и Алазеей. Там есть земля с загадочным названием — Хэл Амканни. Это, несомненно, эвенский топоним. Что означает «амканни» неизвестно, а вот «хэл» - это железо. Мне также приходилось слышать от старожилов села Балаганное, что на горе Белуха (устье реки Тауй) они видели якорь.

Из этих сообщений можно сделать вывод, что во время потопа по океану плавало много судов, а не только ковчег Ноя. Когда вода начала спадать, то они оказались на вершинах гор, где сохранились. И не только суда, но и плоты. В библиотеке Магаданского фонда геологической информации есть книга Карла фон Дитмара. В 1851-1855 гг. он занимался изучением геологического строения Камчатки. Приведем цитату из его книги, изданной в 1901 году: «Наконец Удачин рассказал мне легенду, заслуживающую внимания по некоторым чертам сходства с библейским рассказом о потопе. По этой легенде Камчатка в глубокой древности была затоплена большим наводнением. Жители ее выстроили себе громадный плот, на котором и спаслись. Впоследствии, после стока вод, плот остановился на вершине хребта Тимаска и остался там». Интересно, что на полях книги кто-то сделал карандашную приписку: «Имеются сведения о наличии такого плота на вершине горы в истоках р. Авековой на Тайгоносе». В свою очередь, мне неоднократно приходилось слышать от эвенов рассказы об остатках плотов в других местах Охотского побережья. Было бы интересно изучить древесину, из которой были изготовлены эти плоты.

Судьба бронзовой монетки

За I тысячелетие до нашей эры север Охотского побережья был заселен древними коряками. Многочисленные свидетельства их обитания установлены в различных местах, в том числе и в окрестностях современного Магадана, в частности, в бухтах Веселой и Светлой, и на мысе Восточный, в районе бывшего маяка. Происхождению древней культуры коряков посвятил свою жизнь российский археолог Руслан Сергеевич Васильевский, работавший в

50-60-х годах в Магаданском краеведческом музее, а сейчас он — научный сотрудник Института археологии и этнографии в Новосибирске.

Летом 1964 года Р.С. Васильевский занимался археологическими исследованиями в бухте Средней, что находится в заливе Бабушкина на полуострове Пьягина. Почему она называется бухтой Средней? Такое название ей дано не по размеру, то есть, что-то промежуточное между большой и малой, а потому, что она находилась на когда-то существовавшем Охотско-Камчатском почтовом тракте, как раз посередине между Охотском и Гижигинском, двумя городами-форпостами на Охотском побережье.

С незапамятных времен эту бухту облюбовали коряки. Это место было благоприятным для охоты на китов, многочисленные кости которых были обнаружены при раскопках. Древнее поселение состояло из 14 полуподземных жилищ. Размер каждого достигал 30 метров в диаметре. Если допустить, что в жилище обитало не менее 20 человек, то это было достаточно многолюдное поселение. Но это еще не самый большой населенный пункт в древние времена. На косе Атарган, что находится вблизи поселка Ола, известно около четырех десятков подобных полуподземных жилищ, и эвены, наблюдавшие за их жителями с высокого мыса Харбиз, так и называли это место — «атарган», то есть «муравейник».

Некоторые из жилищ бухты Средней были обследованы еще в 30-х годах прошлого столетия. Археологи неоднократно возвращались к их изучению и в последующие годы. Р.С. Васильевский провел раскопки только наиболее крупного жилища — №5. Им собраны многочисленные каменные, костяные и деревянные орудия труда, изучение которых показало, что древним корякам было знакомо употребление металла еще задолго до прихода русских землепроходцев на Охотское побережье. Об этом свидетельствовали узкие прорезы в гарпунах, куда могли вставляться только металлические пластины. Характер обработки костяных и деревянных изделий также указывал на применение металла.

Но самой интересной находкой, на мой взгляд, была бронзовая монетка с квадратным отверстием в центре. Она не могла выпасть из

дырявого кармана современного нумизмата, так как была найдена на глубине в полметра. Р.С. Васильевский передал эту монету для определения научному сотруднику Дальневосточного Филиала АН СССР Э.В. Шавкунову, который расшифровал иероглифы на монете: «Хуан Сун тун-бао». Такие монеты выпускались императором Жень-цзуном в 1038-1049 гг. Как могла эта монета оказаться далеко от Приамурья, где эти деньги имели хождение еще долгое время в течение XII и начала XIII веков? По мнению Р.С. Васильевского, это связано с чжурчжэнями, которые вели оживленную торговлю с северными народами. От чжурчжэней могли поступать и первые металлические изделия, распространившиеся сначала на Охотское побережье, а затем и дальше на Чукотку. С металлическими изделиями все понятно: они необходимы в хозяйстве. Но монета-то зачем корякам? А кто такие чжурчжэни? Это были предки тунгусо-маньчжурских племен, когда-то населявших Северный Китай, Приморье и бассейн Амура. В 1115-1234 гг. у них существовало высокоцивилизованное государство Цзинь. Чжурчжэни хорошо знали горно-металлургическое производство, умели искать руды железа, меди, олова, серебра и выплавлять из них различные изделия. Богатства чжурчжэней давно привлекали Чингисхана, и в 1211 году он напал на государство Цзинь, но до своей смерти в 1227 году так и не смог его завоевать. Лишь в 1234 году государство чжурчжэней распалось на многочисленные роды, потомки которых сохранили знания своих предков. Еще в середине XVII века русские землепроходцы сообщали об амурских племенах, умевших выплавлять серебро. Среди них были названы натки.

Занимаясь поисками легендарной Серебряной Горы на северо-востоке, меня удивил тот факт, что в юкагирских легендах упоминается племя наттов. Сходство этих двух названий (натки и натты) позволяло предполагать, что это одно и то же племя, но проживающее не только на Амуре, но и на Охотском побережье где-то между Наяханом и Гижигой. Они то и были первыми рудознатоками. По рассказам юкагиров, записанным русскими землепроходцами, натты жили на реке Нелога, где добывали серебряную руду, выплавляли серебро, изготавливали из него

украшения, которыми обменивались с «писаными рожами» из племени акнемила (по всей видимости, это были коряки) и юкагирами на оленей. Но почему натты ушли так далеко на северо-восток от Амура? Мне рассказывал амурский краевед Степан Козловский, что после разгрома монголами чжурчжэньского государства многие племена бежали от беспощадных завоевателей и, возможно, оказались в Северном Приохотье. Они-то и прихватили с собой монеты, которые затем оказались в древнекорякском поселении бухты Средней.

Но возможна и другая версия судьбы бронзовой монетки. Всем известны завоевательные походы монголов в Среднюю Азию, а затем в Европу. Но монголов привлекала и Юго-Восточная Азия. В 1281 году монгольская 100-тысячная армия на 1000 кораблях отправилась на завоевание Японии. Однако тайфун разметал корабли по морю и не дал осуществиться монгольским планам. С тех пор японское название этого тайфуна — Камикадзе, то есть «ветер богов», прочно вошло в лексикон японцев.

Было бы удивительным, если бы монголы не пытались совершить походы и в Северо-Восточную Азию. И вот монгольскому писателю и ученому И. Ринчену удалось найти следы пребывания монголов на Северо-Востоке. Он в своем исследовании, опубликованном в учебных записках Тартусского государственного университета в 1978 году, приводит предание, услышанное от одного старика в 1927 году. Суть его в следующем. В древние времена горстка отважных и любознательных воинов отправилась на Северо-Восток. Они дошли до берегов великого моря и видели большую гору, на вершине которой днем курился дым, а ночью виднелось багровое зарево. Встреченные ими племена ездили на санях, запряженных собаками, а в пищу употребляли сырое мясо и рыбу. По мнению Ринчена, море это было Берингово, а гора — Ключевская сопка. Однако можно высказать и другие предположения. Дело в том, что на Северо-Востоке существовали и другие вулканы, кроме камчатских. Так, в памяти русских землепроходцев остался действующий вулкан в бассейне реки Мома, левого притока реки Индигирка. Теперь этот потухший вулкан известен на современных картах под названием

Балаган-Тас. А в бассейне реки Анюй (Чукотка) геолог Е.К. Устиев нашел другой вулкан, упоминания об извержениях которого сохранились в легендах коренных народов. Так или иначе, свидетельства Ринчена однозначно говорят о фактах пребывания монголов на Северо-Востоке. Может быть, и могильники-курганы, упомянутые Юрием Розенфельдом на водоразделе Купки и Арбутлы, а также находки бронзовых зеркал на Яблоновом перевале и бронзовой монетки в древнекорякском жилище на берегу бухты Средней связаны с походами монголов?

Тайна гибели натуралиста Ивана Редовского

В 1805 году Россия направила посольство в Китай. В числе его участников в качестве врача и натуралиста был адъютант Академии Наук Иван Редовский. Однако попытки посла графа Ю. Головкина проникнуть в Китай окончились неудачей. От него требовали выполнить унижительную процедуру девятикратных поклонов перед атрибутами, символизировавшими личность маньчжурского императора, на что граф ответил решительным отказом. Посольство вернулось из Урги (нынешний Улан-Батор) в Иркутск.

Тогда И. Редовский, предварительно заручившись поддержкой Академии Наук, 20 мая 1806 г. отправился в путешествие по маршруту Иркутск — Якутск — Охотск — Гижига и далее на Камчатку, Курильские, Алеутские, Командорские и Шантарские острова, рассчитывая после Сахалина возвратиться в Санкт-Петербург. Он должен был выполнить большой комплекс ботанических, зоологических и географических наблюдений согласно наставлениям, специально составленным для него петербургскими академиками. Путешествие планировалось осуществить в течение трех лет.

В Иркутске И. Редовский взял большой запас вакцины против оспы для прививок местному населению. В путешествии его сопровождал известный иркутский землемер Иван Кожевин, ранее совершивший несколько походов к Охотскому морю и знавший якутский и эвенский языки. Для охраны было выделено 12 казаков.

В сентябре экспедиция прибыла в Охотск, где Редовский почти два месяца помогал П.П. Редецкому, хирургу местного госпиталя, делать прививки не только жителям Охотска, но и эвенкам-кочевникам. Однако тогдашний командир Охотска капитан II ранга И. Бухарин, самодур, коих в наше время предостаточно, заявил Редовскому, что тому в Охотске делать нечего.

11 ноября, когда наступило неблагоприятное для путешествия время, Редовский отправился дальше. Пришлось с собой везти и гербарий, собранный им по пути из Якутска в Охотск. Все наблюдения Редовский скрупулезно заносил на немецком языке в дневник.

Интересна история дневника и гербария, собранного Редовским. После его смерти дневник и другие рукописные материалы были доставлены в Иркутск графу Головкину, который и передал их Академии наук. Предполагалось издать дневник после получения гербария, собранного Редовским. Однако два ящика с засушенными растениями долгое время пролежали в портовых складах Петропавловска-Камчатского, которому тогда подчинялся Гижигинск.

В 1816 г. на Камчатку зашел корабль «Рюрик» под руководством Коцебу. О существовании этих ящиков узнал натуралист А. Шамиссо, и в обмен на охотничье ружье (!) он забрал их у камчатского губернатора Рудакова. В 1841 году гербарий Шамиссо, в том числе и материалы Редовского, были приобретены Ботаническим музеем, и долгое время ошибочно считалось, что сборы флоры Редовский производил на Камчатке. Часть коллекции попала в Германию, где и была описана как флора Камчатки.

В это время дневник Редовского считался утерянным, хотя некоторые части из него (по всей видимости, копии) все же были в руках исследователей. Так, В.А. Слюнин, участник Охотско-Камчатской экспедиции под руководством геолога К. Богдановича, публикуя в 1900 году свои материалы, упомянул о И. Редовском, отметив, что его дневниковые записи обрываются сведениями о селении Ямск. Это же повторил и Л.А. Востриков в очерках о врачах Сибири и Дальнего Востока, опубликованных в Хабаровске в 1974 году. Но к этому времени уже было известно, что копия дневника

И. Редовского объемом в 470 страниц была обнаружена в 1931 году в гербарии Ботанического музея Академии наук. В настоящее время эта копия хранится в архивах Санкт-Петербургского отделения Академии наук.

Начиная с 1962 года, выдержки из дневника неоднократно публиковались историком ботаники А.М. Черниковым. К дневнику Редовского неоднократно обращались не только ботаники, но и другие исследователи, изучавшие вопросы этнографии и этнической истории. А.А. Беляева, научный сотрудник Магаданского областного краеведческого музея, в 1966 г. также использовала данные И. Редовского в статье об эвенах села Тахтоямск. В частности, в дневнике есть сведения о селениях Армань, Ямск, Туманы, Наяхан, Гижигинск, реках Тауй, Сиглан, Яма. И. Редовским впервые был обследован Таватумский горячий источник. В связи с научной ценностью сведений И. Редовского нам представляется необходимым опубликовать в Магадане дневник его путешествия полностью, включая последние записи.

... Новый 1807 год и свое 31-летие Иван Редовский встретил на почтовой станции Туманы, где экспедиции пришлось пережить пургу. Он воспользовался вынужденной задержкой и поднялся на одну из гор, но при спуске поскользнулся и две сажени пролетел вниз по гладкому снегу. От верной гибели его спас куст ольховника.

Прибыв 27 января в Гижигинск, Иван Редовский — больной, с обмороженными пальцами — остановился в доме купца Баранова. Последняя запись в дневнике Редовского датирована 2 февраля. Вскоре его не стало. По одной версии И. Редовский утонул в марте 1807 г. около Гижиги, провалившись в полынью. Натуралист же Г.И. Лангсдорф сообщил следующее: «Редовский, крайне истощенный предшествующей дорогой, впал в отчаяние от мысли о предстоящих ему трудностях нового пути и отравился...». С этой версией смерти Редовского нельзя согласиться. В последних дневниковых записях Редовский действительно отмечает, что он прибыл в Гижигинск слабым и усталым, но полным забот о предстоящем путешествии. Трудно поверить в то, что Редовскому, находившемуся в достаточно комфортных условиях после трудного

путешествия вдруг пришла в голову мысль свести счеты с жизнью. Скорее всего, он действительно серьезно заболел и умер. Некоторые биографы даже указывают конкретную дату — 8 февраля.

Путешествие Ивана Редовского вошло в историю исследований Охотского побережья. Его именем названы пять видов растений Сибири. Одно из них — рододендрон Редовского — я встречал на полуострове Пьягина, по которому Иван Редовский проехал 195 лет тому назад.

Тайна золота острова Завьялова!

Этот остров находится неподалеку от Магадана и хорошо просматривается с бухты Гертнера в ясную погоду, выделяясь громадой посреди Охотского моря. Возможно, что именно о нем и других островах упоминается в отписке якутского воеводы Ивана Акинфова русскому государю, что с устья реки Мотыклей видны острова, на которых, по рассказам тунгусов, много моржей. Моржовый клык, или, как тогда его называли, «рыбий зуб» был крайне необходим для экспорта в Западную Европу. Впоследствии всех моржей выбили, как, впрочем, и стеллерову корову, мирно жевавшую морскую капусту в прибрежных водах. Воспоминаниями о них остались лишь кости, находимые при археологических раскопках, да старое название острова Спафарьева — Коровий. Кто такой Завьялов — неизвестно. Впервые так остров назвал сотник Н.М. Березкин в 1901 году, начавший путешествовать от селения Олы к Сеймчану и дальше в Якутию. А до этого он назвался Ольский, так как его обязательно заметит мореход, направлявшийся к устью Олы. Встречались и другие названия острова: Алевин — так как находится вблизи мыса Алевина, расположенного на полуострове Кони. А врач Н.В. Слюнин, сотрудник экспедиции К. Богдановича, путешествовавший по Охотскому побережью в конце XIX века, назвал этот остров Русским. Свое название острову — Фабиус — дала американская экспедиция, в 50-х годах XIX века приплывшая в селение Ола.

У эвенов же остров был известен под названием Барыга, что и означает «остров» или Телидек — «место заготовки рыбы».

В конце 20-х годов прошедшего столетия остров привлек внимание охотоведов. В записках бывшего научного сотрудника Тихоокеанской научно-промысловой станции Георгия Дулькейта, хранящихся в архиве бывшего Магаданского книжного издательства, можно познакомиться с историей организации песцового хозяйства на острове. Сначала 10 сентября 1927 года в бухту Рассвет пароходом «Эривань» была доставлена группа зимовщиков. Их было трое: начальник ВЛ. Сторчак и двое рабочих-алеутов. Они прибыли с Командорских островов, откуда было взято и двадцать голубых песцов. Через год на острове были построены три дома, склад-магазин, баня, ледник, сарай для шлюпок. Однако попытки акклиматизации песцов закончились неудачно. Еще во время плавания семь песцов погибло, потом уже на острове двое сдохли, а девять сбежали. К 1928 году осталось два песца и, по мнению Г. Дулькейта, разведение песцов на острове — дело бесперспективное из-за отсутствия природных условий для их обитания. Однако хозяйство продолжало существовать еще три года.

В записках Г. Дулькейта добрым словом упомянут первый начальник острова — Владимир Петрович Сторчак. Именно ему принадлежит честь открытия стоянок древнего человека на острове. Им же присвоены первые названия речкам, бухтам и горам. Так, самая высокая вершина острова названа гора Алеут в честь первых колонистов. Впоследствии она почему-то была переименована в гору Кошка, а на современных картах известна как гора Завьялова. На карте острова появились названия хребтов Лисий, Медвежий, Центральный. Бухты получили названия Рассвет, Пресной воды, Корабельная. Были именованы мысы Южный, Северный, а коса вблизи западной оконечности бухты Рассвет (сейчас там находится маяк) стала называться лайда Дураховского. В честь кого она так стала именоваться — выяснить не удалось. Самая большая речка, впадающая в бухту Рассвет, получила название Нерпичья. Уже впоследствии ее переименовали в Рассвет, а на современных картах она называется Большая.

В записках Г. Дулькейта приводятся интересные сведения по обитателям животного мира. Только одних птиц он насчитал более

100 видов. Им упомянут факт обитания на острове белого медведя. Когда его убили, то длина шкуры оказалась равной 3,4 метра.

Но в записках Г. Дулькейта упомянута другая история, напрямую связанная с заголовком заметки. Оказывается, лет за двадцать до посещения острова Г. Дулькейтом, на нем проживали два японца, которые впоследствии там и умерли: то ли от старости, то ли от голода, то ли от какой-то болезни. Нашедшие их моряки на всякий случай все сожгли, в том числе и домик, в котором они жили. Но на обрубке бревна сохранился иероглиф, означающий название японского города Хаккодате. В 1928 году В.П. Сторчака сменил другой начальник острова — К.О. Озолин. В 1930 году он встретился с начальником Второй Колымской экспедиции, геологом В. Цареградским, и показал ему пакетик с шлиховым золотом, найденным им якобы в домике, где жили японцы. Тайна первая: о каком домике идет речь? Как мы знаем из записок Г. Дулькейта, этот домик был сожжен. Может быть, на острове был еще один дом, который не видели ни В. Сторчак, ни Г. Дулькейт, исходившие остров и вдоль и поперек? Тайна вторая: откуда золото? Прибывший на остров В. Цареградский провел шлиховое опробование ручьев, но золота не нашел. Осматривая золото, найденное К. Озолиным, В. Цареградский на глаз определил, что оно низкопробное в отличие от высокопробного колымского золота и по внешнему виду похоже на золото с охотских приисков, где оно, возможно, и было намыто, а затем доставлено японцами на остров. А сколько было золота в пакетике? В архивах нам удалось найти документы, где фиксировалось количество золота, намытого при шлиховом опробовании в первых колымских экспедициях. Там было упомянуто и золото с острова Завьялова. Его оказалось совсем немного — 1,3 грамма. Но В. Цареградский не забыл об этом, и в 1932 г. он направляет геолога Б. Флерова для более тщательного шлихового опробования острова. Результат работ отрицательный. Не обнаружил золота и хасынский геолог О. Корнев, обследовавший остров при составлении геологической карты масштаба 1:200 000.

В 2000 г. на острове побывала школьная геологическая экспедиция, организованная ФГУП «Магадангеология» и Детским

экологическим центром. Видеофильм об этой экспедиции на Всероссийской геологической олимпиаде занял первое место. Юные геологи исследовали практически весь остров. Уже тогда скалы бухты Корабельной обращали на себя внимание своей рыжей окраской, характерной для рудных месторождений. Геохимическое опробование пород показало наличие повышенных концентраций золота и меди, но в шлихах самородное золото не было обнаружено. Тем же летом было проведено и шлиховое опробование речки Нерпичьей. Визуально знаки золота не попадались. Однажды на обрыве террасы, густо заросшей ольховником, нашли небольшой грот высотой 1 м, длиной 2 м и шириной 1 м. Предположили, что это была медвежья берлога. На всякий случай из кровли грота набрали грунта и промыли тут же в ручье. Крупинок золота не было видно. Уже потом, в Магадане, при просмотре шлиха под биноклем был обнаружен один значок. Жаль, что это удалось установить при камеральном изучении, а то можно было тогда же провести тщательное изучение этого места. И, может быть, здесь была совсем не берлога, а забой, где добывался золотоносный грунт для промывки? Тайна золота с острова Завьялова еще ждет своей разгадки.

Монстры наших озер

Собирая сведения о жемчужном промысле в Сибири, я наткнулся на прелюбопытное сообщение, опубликованное в середине XIX века в сборнике архивных документов «Дополнения к актам историческим». В 1684 году енисейский воевода князь Щербатов информировал царя о безуспешных результатах добычи жемчуга на одном из приангарских озер и приводил показания мастеров жемчужного промысла Анашки и Ивашки: «Да на том же озере видели... не по одно время из озера видение великое коровою рогатою без шерсти: как де они Анашка и Ивашка поедут на озеро для жемчужного прииску и та де великая корова из озера на верх воды и выйдет и стоит поверх воды среди озера немалое время, и в то де время начнет быть на озере ветер великий и буря». Кто-нибудь

прочитает это и усмехнется, что пропьянствовали, мол, ребята и не выполнили спущенный воеводою план по добыче жемчуга, а с похмелья и не то увидишь. Но удивительно, почему это сообщение не оказалось в поле внимания криптозоологов, всерьез занимающихся поисками таинственных и загадочных живых существ. Со временем я собрал большое количество сведений о монстрах, обитавших и, возможно, существующих до сих пор в озерах Северо-Востока.

Прежде всего, начну с Николая Чихачева. Этот молодой мичман, участник Амурской экспедиции, был отправлен Г.И. Невельским в Иркутск к генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву с рапортом результатов изучения Приамурья и острова Сахалин. Там он узнает о присвоении ему чина лейтенанта и награждении первым орденом. Впоследствии он станет адмиралом, а пока генерал-губернатор отправляет его курьером на Камчатку к вице-адмиралу Е.В. Путятину. Проехав по Охотскому побережью, он собрал сведения о реках, впадающих в Охотское море и реку Колыму. Эти сведения опубликовали затем в 1856 году в «Записках Сибирского отделения Императорского Русского географического общества».

Его статья меня заинтересовала с точки зрения топонимии, то есть географических названий, но там было еще одно интересное сообщение: «По словам жителей деревни Ини, река эта выходит из большого озера, изобильного рыбой, которую промышляют тунгусы. Между прочим, последние рассказывают, что из этого озера выходит на берег рыба-зверь, пожирающая оленьих телят».

Прочитав это, я сразу же стал рыться в картах. Река Иня протекает в Хабаровском крае, на границе с Магаданской областью, и озеро, где находится исток реки Иня, найти было нетрудно. Удивительным было другое. Это озеро носило название Хэл-Дели, что с эвенского языка переводится «железная голова»! По всей видимости, оно было названо так потому, что от головы этой рыбы-зверя отскакивали стрелы и копья, которыми оленеводы пытались убить хищника.

Упоминания о таинственных существах, обитающих в озерах, есть у всех северных народов. Вот краткое изложение юкагирской легенды, записанной лингвистом Е.А. Крейновичем в низовьях Колымы.

Собственно говоря, текст касается жизни юкагиров, но в нем есть важная для нас деталь.

Суть в следующем. Собака загнала дикого оленя в озеро и охотник, находившийся на сопке, увидел большое черное пятно. Олень исчез, а затем и собака пропала. Тогда охотник взял кухлянку, натолкал туда торфа и с помощью кресала разжег огонь. Когда торф разгорелся, он завязал отверстие и бросил все это в озеро. Ветер потащил кухлянку с горящим торфом к середине озера. Охотник ушел домой, а когда вернулся на следующий день, то нашел на берегу что-то большое и черное. Старики ему сказали, что это большая щука. Много людей пыталось вытащить ее на берег, но хвост так и остался в воде. Когда с большим трудом распороли брюхо, то нашли и обгоревшую кухлянку, и собаку, и целого оленя. В желудке было много костей и даже три кресала. Наверное, не одного человека проглотило это чудище. С тех пор озеро стало называться Озером собаки.

Похожую легенду записала лингвист К.А. Новикова у эвенов, кочевавших в районе Оймякона. Но здесь речь идет об озере Лабынкыр. А неподалеку от него есть озеро — Ворота. Еще в 1953 году сотрудники Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР В.А. Твердохлебов и Б.А. Башкатов видели на этом озере плывущего огромного животного с гребнем. По словам местных жителей, в этом озере обитает «чорт», который зимой проделывает во льду лунки с гладкими краями — «чортовы окна».

А об озере Лабынкыр К.А. Новикова приводит еще одну легенду. Однажды по льду на оленьих упряжках проезжало несколько эвенских семей. Вдруг на середине озера они наткнулись на торчащий бивень, похожий на рог горного барана, и решили его отпилить. Эта затея закончилась трагически. Лед начал трескаться, и все пошло на дно, кроме одной семьи, старика со старухой, которые благоразумно, не дожидаясь окончания пилки рога, переправились на берег. Чей это был рог, так и осталось неизвестным. Но впоследствии эта история стала распространяться по всему Северо-Востоку. Эвенская жительница Мария Амамич, родом из Гижиги, слышала ее от стариков, которые считали рог, торчащий изо льда, бивнем мамонта.

А вот что рассказывает об озере Коолен, находящемся на Чукотке между поселками Лаврентия и Уэлен, известный исследователь чукотского и эскимосского языков Г.А. Меновщиков: «Об этом необычной красоты озере местные чукчи сложили много легенд. В одной из них говорится, что в бездонном и богатом рыбой горном озере с незапамятных времен живет прожорливая рыба-великан. Она пожирает птиц, садящихся на озеро, похищает оленей, приблизившихся к воде. Придет оленье стадо на водопой, а хозяйка озера тут как тут. Засмотрится неосторожный олень на свое отражение в зеркальной глади Коолена, да и окажется в зубастой пасти чудорыбы».

Видели чукчи какого-то крупного животного в водах и другого загадочного во всех отношениях озера Эльгыгытгын.

Популярные летчики И. Черевичный и В. Аккуратов в 1939-1940 годах часто пролетали над озером Хайыр, что находится в Якутии. Однажды они разглядели два тела крупных неизвестных животных, которые сразу скрылись в глубине, услышав шум мотора. Впоследствии на это озеро неоднократно приезжали самостоятельные экспедиции, но они ничего не нашли. Правда, один из сотрудников экспедиции МГУ описал появление в середине озера какого-то существа с плавником, которое било по воде длинным хвостом. Также ажиотаж вокруг этого озера вызвала гибель одного из аквалангистов. Однако эксперты пришли к выводу, что это было связано с поломкой дыхательного аппарата.

Так что же за монстры обитают в северо-восточных озерах? Интерес к ним временами подогревается в связи с лохнесским обитателем одного из озер Шотландии. Наиболее смелые криптозоологи считают, что загадочная Несси — это реликтовый плезиозавр, при этом ссылаются на фотографии, сделанные в разное время. Как-нибудь я расскажу, что два самых известных изображения на самом деле являются фальсификацией. Зоологи считают, что если бы плезиозавр и смог бы выжить, то нынешняя популяция должна насчитывать не менее 200 особей, поэтому гипотезу о плезиозавре я решительно отвергаю.

Может быть, в озерах временами появляются дельфины, заплывшие из Северного Ледовитого или Тихого океанов в погоне за рыбными косяками? Известны случаи заплыва дельфинов в реку Тауй, где одна из сопок даже называется Белуха, и в речку Магаданка, которая по-эвенски называлась Молотар, то есть дельфин. А исследователь Северо-Востока И.Д.Черский упомянул в 1891 году о дельфине, убитом за два года до этого на реке Алдан, то есть за 1500 верст от океана. Однажды, сплавляясь с друзьями на резиновой лодке по Колыме в районе больших излучин между Утинкой и Запятьей, мы увидели, как по воде расходились струи. Какая-то крупная рыбина с огромной скоростью плыла под водой вверх по течению. Ужас охватил нас, но столкновения не произошло, и это загадочное существо проскочило мимо. Может быть, это был осетр?

А вот что пишет об озере Ожогина барон Герхард фон Майдель, известный исследователь Северо-Востока, одновременно исполнявший должность исправника Колымского округа в 1866-1870 годах: «по рассказам местных жителей, по нему нельзя плавать благодаря существованию громадной величины щук, которые выскакивают из воды, хватают отважного пловца из лодки и увлекают его в глубину». Озеро Ожогина по-якутски еще называется Тыгымей-кель, но что это означает, Майдель не указывает.

Это сообщение о щуках дает другое объяснение монстрам озер Северо-Востока. Вспомните о щуке из юкагирской легенды об Озере собаки. У народностей Севера встречается много упоминаний об этих хищницах. Говорят, что видели шестиметровых щук, у которых от старости даже выросли на голове бугры, похожие на рога, которыми они легко проламывают весенний лед, беснуясь от удушья. Может быть, «чортовы окна» на льду озера Лабынкыр и проделаны щукой, рог которой пытались отпилить оленеводы?

А теперь о загадочных пропажах людей на озерах. Есть в Сусуманском районе большое озеро Малый, богатое рыбой. В 1938 году здесь работала геологическая партия. Начальник партии Антонов и двое рабочих бесследно исчезли во время переправы через озеро. А в 1976 году трагедия повторяется. На озере рыбачили буровики Берелехской экспедиции. Они должны были на моторной

лодке вернуться к южной оконечности озера, где их ждал вездеход, но пять человек пропадают. Нельзя сказать, что бесследно. Впоследствии на восточном берегу были обнаружены берет, кепка, рюкзак, удочки и даже два спасательных круга, а вот людей нет. Что же произошло на озере — неизвестно.

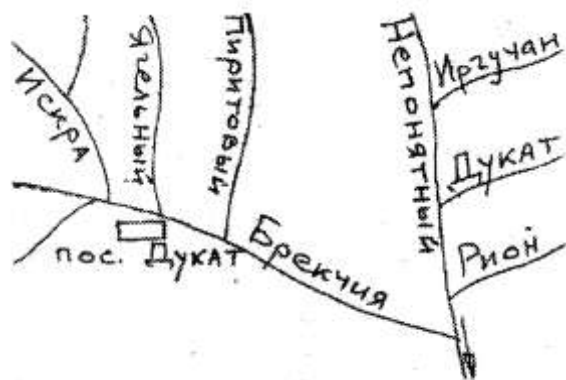
Много тайн хранит наш Северо-Восток.

Ошибка топографов оказалась пророческой

Дукат — серебряная, а затем и золотая монета, имевшая хождение в Западной Европе в средние века. Считается, что в честь этой монеты и назвали одно из крупнейших в мире золотосеребряных месторождений, находящееся в Омсукчанском районе. Однако история появления этого названия несколько иная.

Впервые название Дукат появилось на карте геолога Ф. Павлова, проводившего в 1939 году поиски месторождения олова в районе будущего Омсукчана. На флангах оплоискованной площади левый приток ручья Непонятного геологи называли Дукатом. Никаких проявлений полезных ископаемых в бассейне этого ручья не было обнаружено, и почему такое название заслужил ручей — история умалчивает: то ли в честь монеты, то ли в честь папирос «Дукат», очень популярных в то время. Скорее всего, это романтическое название первым пришло на ум геологу-поисковику, как и название другого ручья — Рион. Ведь надо бы как-то именовать изученные ручьи, а оленеводов-эвенов поблизости не было, чтобы разузнать у них местные названия. Это лишь впоследствии появилось эвенское название рядом расположенного ручья — Иргучан, что означает «острая сопущка». В 1965 году хасынские геологи целенаправленно отправились изучать рудопроявления марганца, находившееся в верховьях ручья Брекчия, правого притока ручья Непонятного, с точки зрения выявления золотосеребряного оруднения. Уже тогда на примере Хаканджинского золотосеребряного месторождения, также открытого хасынскими геологами в Хабаровском крае, было известно о связи марганцевой минерализации с золотосеребряным оруднением. Но оказалось, что топографы, составляя карту,

перепутали названия, и левый приток ручья Брекчия переименовали в Дукат, а истинный ручей Дукат, находящийся в 10 км восточнее, — в Левую Брекцию. Геолог Юрий Барченко сохранил название Дукат за участком с марганцевой минерализацией, еще не зная о результатах полевых работ. А в процессе шлихового опробования были выявлены ореолы самородного золота и серебра. Также были отобраны и штучные пробы. Несмотря на невысокое содержание в них золота (до 2-4 г/т) и серебра (до 40-70 г/т), 35 лет назад Юрий Барченко сделал смелый прогноз о возможности выявления золотосеребряного месторождения. Это уже потом, в 1967 и 1968 годах, омсукчанские геологи Тамара Иевлева, Ия Монахова, Иннокентий Перепанов разведали рудные тела с содержанием золота до 900 г/т и серебра до 34 кг/т, что и послужило основанием для развертывания геологоразведочных работ на будущем месторождении. Хотя рудные тела и были выявлены в стороне от точек золотосеребряной минерализации, упомянутых Юрием Барченко, омсукчанские геологи сохранили название Дукат за всем месторождением. Они имели право дать и другое название, например, Искра, которое бы превратилось в пламя, до сих пор производящее в трепет мировых производителей серебра.

Легенда о золотом великане

После поражения в Крымской войне 1853-1856 гг., Российская империя со своей огромной территорией чувствовала себя очень неуверенно. Восточные окраины ее оставались беззащитными. Особое беспокойство вызывала Аляска. Поэтому 30 марта 1867 года царское правительство продало ее за 7,2 миллиона долларов

Соединенным Штатам Америки в надежде на поддержку в ликвидации Парижского мирного договора.

Но не все американцы одобрили действия своего правительства. В американской печати торговую сделку с покупкой Аляски, этого «ледяного ящика», назвали «глупостью» Сьюарда, тогдашнего государственного секретаря США.

Положение изменилось с 80-х годов позапрошлого века, когда на Аляске и прилегающих территориях стали находить золотые месторождения. Тысячи золотоискателей устремились на север. Бродяги и миллионеры, одни — пешком, другие — на собаках двигались по бескрайним просторам в поисках золотого песка, олицетворяющего счастье. Многим везло: они находили богатые залежи золота, другим оставалось довольствоваться тем, чего едва хватало на жизнь.

Золотая лихорадка еще больше подстегнула людей, когда в 1896 году было открыто богатейшее месторождение Клондайк, а через три года — Ном. В 1899 году на американском берегу Берингова пролива скопилось девять тысяч золотоискателей, которые опоздали к дележу золотоносных площадей. Тогда-то и родилась легенда о золотом великане, голова которого якобы лежит на Аляске, а туловище — на Чукотке. Золотоискатели ждали лишь удобного момента, чтобы перебраться на русский берег, в то время никем не охраняемый. Впоследствии им это удалось осуществить в лице «Сибирской горнопромышленной компании».

Привлеченные слухом о богатых россыпях на Среднекане, открытых сначала Бориской, а затем Поликарповым, русские старатели начали уходить с алданских и охотских приисков и растекаться по колымским просторам. Побывали они и в нашем (Омсукчанском) районе. В 1924 году старатели добывали золото в верховьях реки Кананыга. Есть сведения о шурфовке правых притоков реки Омчикчан и верховьев Буксунды. По всей видимости, здесь что-то привлекло внимание этих прирожденных геологов, обладавших нюхом на золото. Ведь сюда, в далекие необжитые края могли добраться только опытные таежники, и «в пустых» местах они бы не стали закладывать шурфы.

У легенды о золотом великане появилось продолжение. В 1926 году будущему писателю Тихону Семушкину один старатель с мыса Биллингса пересказал легенду о золотом человеке, ноги которого следует искать на Колыме. А в конце двадцатых годов академик А. Ферсман, выступая за развитие производительных сил на Северо-Востоке, в шутку протянул ноги этого золотого колосса уже до Алдана.

Однако легенда о золотом великане имела под собой реальную первооснову. В 1865 году американская компания «Вестерн юнион эстеш компани», занимаясь постройкой телеграфной линии Америка — Берингов пролив — Россия, приступила к поискам золота на Чукотке. Уже в 1869 году русские дипломаты, находившиеся в США, сообщали об открытии золота американцами на северо-восточных окраинах России. В настоящее время богатая золотоносность Колымы и Чукотки является доказанным фактом, и не зря Магаданскую область называют «валютным цехом» страны. Перспективы золотодобычи продолжают оставаться огромными. Геологи давно высказывают предположения, что наши месторождения образовались в процессе переотложений более древних месторождений, которые находились значительно глубже. Так считал и Ю. Билибин, первооткрыватель золотой Колымы. Золотые месторождения Севера американского континента как раз и являются теми древними месторождениями. Советские геологи М. Ициксон и В. Бергер, сравнивая геологическое строение азиатской и американской ветвей Тихоокеанского рудного пояса, установили, что подобные месторождения должны находиться среди выступов пород единого массива Беринго-Юкония, существовавшего несколько миллиардов лет назад. Один из таких выступов, известный под названием Омолонского, находится в бассейнах рек Омолон и Коркодон. О золотоносности этих рек геологи знают давно, но в связи с отдаленностью детальные поиски там не проводились. С развитием производительных сил Магаданской области Омолонский массив станет новым центром золотодобычи.

Золотой самородок с улицы Дзержинского

26 октября 2008 года исполняется 125 лет со дня рождения Анатолия Капитоновича Болдырева, известного ученого. С его именем связаны фундаментальные труды по кристаллографии, минералогии, геологии рудных месторождений. Однако в 1938 году научная деятельность А.К. Болдырева прервалась из-за ареста по несправедливому обвинению в участии в антисоветской организации, и в 1939 году он оказался на Колыме. Больших трудов стоило его ученикам выволить своего профессора из Тасканского лагеря и определить его на работу в Геологоразведочное управление Дальстроя. Здесь Анатолий Капитонович изучал минералогию золотых и оловянных месторождений, разрабатывал методику подсчета запасов, консультировал магаданских геологов, продолжая оставаться до октября 1943 г. заключенным одного из магаданских лагерей. Однако заслуги А.К. Болдырева были столь велики, что его, бывшего з/к с неснятой судимостью по печально известной 58 статье, в феврале 1945 года наградили орденом «Знак Почета», а вот под амнистию от 7 июля 1945 года он не попал и разрешение на выезд на «материк» не получил. Осенью 1945 года А.К. Болдырев был избран почетным членом Минералогического общества Франции, но об этом вслух никто не говорил, дабы не привлекать внимания НКВД, которое могло бы опять осудить А.К. Болдырева за связь с заграницей.

25 мая 1946 года он поехал в поселок Ола читать лекцию, но по дороге машина провалилась под лед. Водитель с машиной утонул, а Болдыреву удалось выбраться на берег, но до поселка он не добрался и замерз. А ночью над Магаданом запылало северное сияние. Оно наблюдалось и в последующие ночи, вплоть до похорон 29 мая Анатолия Капитоновича. Вот и не верь теперь в существование Высшего Разума.

Известие о гибели А.К. Болдырева достигло Ленинграда, но его бывшие сотрудники по Ленинградскому горному институту не поверили, что он замерз. Ходили слухи, что его просто-напросто забили до смерти на очередном допросе. Именно так и поступили

сталинские инквизиторы с известным геологом, академиком Иосифом Федоровичем Григорьевым.

Трагическая судьба ученого с мировым именем А.К. Болдырева, подробно описана магаданской журналисткой Тамарой Смолиной в повести «Магический кристалл». Там же упомянуты и все научные труды А.К. Болдырева. Но мне все же хочется опять вернуться к одному из его исследований.

Колымские россыпи славились богатством самородков. Многие из них из-за своей оригинальной формы даже попали в «Алмазный фонд» страны («Верблюд», «Мефистофель»). Большинство же были отправлены на аффижные заводы и для науки безвозвратно потеряны, несмотря на то, что для понимания процессов россыпеобразования их бы следовало первоначально изучить.

Незадолго до своей гибели А.К. Болдырев приступил к исследованию самородков, поднятых в 1945 году. Его трагическая смерть помешала завершить этот труд, и жена Болдырева — Анна Михайловна по черновым записям мужа подготовила в 1947 году отчет под названием «Описание и фотоальбом золотых самородков, найденных в месторождениях Северо-Востока СССР в 1945 г.». Он хранится в Территориальном фонде геологической информации и является единственным трудом, обобщающим исследование такого большого количества самородков и не потерявшим своего значения до настоящего времени.

Анатолий Капитонович изучил 51 самородок. Это была лишь малая толика от всех самородков, найденных за все годы золотодобычи в Дальстрое. К сожалению, о самородках, поднятых до 1945 года, как в прочем, и после 1945 года практически ничего не известно. По сведениям магаданского геолога ВЛ. Клепикова только в юго-восточной части Яно-Колымской золотоносной провинции были зафиксированы более 800 самородков, каждый из которых весил более 0,5 кг.

Из числа самородков, изученных А.К. Болдыревым, наиболее крупные были найдены на индигирских приисках. Так, на прииске «Ольчан» был поднят самородок весом 9 кг 609 г, но фактически он представлял собой сросток с кварцем, вес которого был рассчитан по

методу, также разработанному А.К. Болдыревым, и составил 1 кг 858 г.

Из числа колымских находок следует отметить самородок, поднятый Максименко на речке Малый Ат-Урях. Вес самородка равнялся 3 кг 443 г, но в нем было 329 г кварца. Следует отметить, что речка Малый Ат-Урях славилась богатством россыпного золота. Так, по данным академика Н.А. Шило только с одного промприбора за смену снималось 255 килограммов (!) золота. В настоящее время мало кто из магаданских недропользователей намывает такое количество золота за весь промсезон.

А.К. Болдырев подробно описал, где и кем найдены 50 самородков, условия залегания золотоносных пород, вес, размеры, пробность и химический состав самородков. Текст иллюстрируется черно-белыми фотографиями. А вот на самородке под номером 51 остановимся подробнее.

Самородок, найденный Юрой Красноутским,
в натуральную величину.

2 июля 1945 года семилетний Юра Краснокутский играл во дворе дома № 5 по улице Дзержинского, где находился склад монтажно-строительной конторы. Но улица Дзержинского это не та, где сейчас находятся здания областных управлений ФСБ и УВД. В Магадане названия улиц часто менялись. В 1945 году улицей Дзержинского именовался нынешний проспект Карла Маркса от магазина «Восход» до улицы Якутская (сведения А.Г. Козлова). Юра Краснокутский, наверное, был наблюдательным и любознательным мальчиком и в

свалке железа нашел кусок желтого металла оригинальной формы. Он показал его своей маме, и та сразу же отнесла находку в Геологоразведочное управление. Это оказалось золотым самородком весом 165 граммов. Как зафиксировано А.К. Болдыревым, самородок напоминал стоящего на коленях египетского божка с конической звериной головой, открытым ртом, глазом и согнутыми руками. Место находки было осмотрено старшим геологом П.И. Скорняковым, а самородок изучен А.К. Болдыревым. Скорняков и Болдырев пришли к единому мнению, что самородок попал в Магадан случайно и, скорее всего, привезен с прииска «Мальдяк».

По моим сведениям, это единственная случайная находка в Магадане золотого самородка такого размера.

В Магадане Ленин стоит на золоте

При участии Евгения Жупахина,
старшего научного сотрудника СВКНИИ.

До сих пор для жителей центральных районов России название «Магадан» всегда ассоциируется с золотом. Им невдомек, что богатые золотоносные площади находятся в колымской глубинке, а вот в окрестностях Магадана ничего существенно не находили, хотя его истоптали вдоль и поперек и академики, и юные геологи. Еще в 1928 году Валентин Цареградский, ожидая вестей от Юрия Билибина, отбывшего с первым транспортом на Среднекан, посетил район будущей столицы золотой Колымы. Свои маршруты он сопровождал шлиховым опробованием, и в русле речки Магаданка ему удалось «поймать» значок золота. Потом находки богатого золота на Колыме отодвинули на второй план поиски золота в окрестностях Магадана. Но прибывающие в Нагаевский порт специалисты-геологи в ожидании транспорта на Колыму бродили по окрестным сопкам, а некоторые наиболее любопытные, прихватив лотки, пытались найти вожаденный металл. Так, Борис Вронский, будущий первооткрыватель колымских золотых и угольных месторождений, в 1931 году по просьбе Юрия Билибина организовал

две маршрутные группы, которые занимались шлиховым опробованием ручьев, протекавших поблизости. В шлихах ими были обнаружены пылевидные знаки золота. О них вспомнили лишь через год, когда геологу Дмитрию Каузову, уже накопившему опыт поисков золота и олова на речках Хетта и Асан, Валентин Цареградский предложил заняться изучением геологического строения полуострова Старицкого и прилегающих к нему бухтами Нагаева и Гертнера. А тут еще от рабочих, занимавшихся лесозаготовками, поступили сведения, что в верховьях нынешней Каменушки кто-то «старался», то есть занимался добычей золота. Разумеется, что первым делом Каузов организовал шлиховое опробование. Это было поручено прорабу К.М. Зыбину и промывальщику М.Н. Минину, которые подтвердили наличие знаков золота во многих ручьях, что дало основание Каузову начать шурфовку в долинах рек Магаданка и Дукча. Однако редкая сеть шурфов и обильный приток воды не позволили выявить промышленные концентрации. Позже Каузов и Цареградский планировали использовать буровой станок «Эмпайр», но из-за отсутствия транспорта это осуществить не удалось. Интересные результаты были получены Каузовым и при геологическом изучении полуострова Старицкого. Известный магаданцам мыс Красный на берегу бухты Гертнера своей окраской обязан наличию интенсивно пиритизированных вулканогенных пород, которые в результате выветривания приобрели красноватый оттенок. Каузов установил наличие в пирите повышенных концентраций золота — до 0,6 г/т. Впоследствии, через 70 лет юные геологи г. Магадан провели здесь геохимическое опробование и подтвердили золотоносность мыса Красный, а в магнетитовых песках, черные полосы которых хорошо видны на пляже бухты Веселая, были обнаружены знаки золота. Возможно, поискам рудного золота в 30-х годах мешала сильная залесенность. Начавшееся затем интенсивное строительство города принесло интересные находки. Так, при сооружении базовых складов Нагаевского порта в 1939 году были обнаружены зуб и коленная чашечка мамонта, которые были переданы в краеведческий музей.

Временами и в нынешнем Магадане начинают что-нибудь строить. Копаются глубокие котлованы, но мало кто обращает внимание на красную глину, которая перекрывает ниже залегающие граниты Магаданского батолита. Одному из авторов данной статьи пришла в голову идея провести анализ содержаний золота в этой глине. Однако отбор проб был связан с определенными трудностями, так как у строителей наши попытки покопаться детально вызвали настороженность. Но известная тяга русского мужика к спиртному помогла снять возникшие вопросы. Всего было отобрано две пробы: одна в районе магазина «Волна», другая — на площади Космонавтов (на месте установки памятника В.И. Ленину, обещавшего золото использовать только для изготовления унитазов), то есть места отбора проб находятся на расстоянии 2 км друг от друга. В обеих пробах установлены повышенные содержания золота: 1,05 и 1,03 г/т. Конечно, отбор проб носил случайный характер и возможно в других местах содержание будет выше. Однако даже этих двух проб достаточно для предположения о наличии здесь золотоносных образований, аналогичных месторождению Форт Нокс (Аляска), которое залегает в таких же гранитах, что и в Магаданском батолите. Среднее содержание золота в этом месторождении равно 0,82 г/т, а запасы золота составляют 130 т. Может быть, под Магаданом находится такое же месторождение?

OCR Андрей Дуглас

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 5-6
Н 30

Нехорошков Ю.Ф.

Легенды колымского края. — М.: ООО «ИПЦ Маска», 2008, 130 стр.

Издание этой книги включает подборку краеведческих и исторических статей, заметок и рассказов о загадочных местах и событиях, существующих или существовавших когда-либо на Северо-востоке Азии. Издание подводит итог сорокалетнего труда магаданского геолога и краеведа Ю.Ф. Нехорошкова.

Литературно-художественное издание
Ю.Ф. Нехорошков «Легенды колымского края»

Публикуется в авторской редакции

Издательское агентство «Литкон»

Москва, ул. Верхоянская, 18, корп. 2

Тел.: (499) 502-77-99 Интернет: www.litkon.ru

Издательство ООО «ИПЦ Маска» Москва, Суцевский вал, 47

Тел.: (495) 747-81-48 Интернет: www.maska.su

Отпечатано в ООО «ИПЦ Маска»

Зима, белугой ветер воеет,
Стихи слагает в память о тебе.
Луч солнца ледяную землю роет,
Теплом растаять хочет на щеке.

И море грустно камни омывает,
Зовёт тебя, чтоб жизнь свою отдать.
В знак скорби небо ярко не сияет,
Им сложно всем печаль свою унять.

А в памяти всплывают лишь мгновенья,
Когда десятки умных детских глаз,
Дыхание, затаив от удивленья,
Внимают молча твой простой рассказ.

Романтиком в душе ты был всегда,
Холодный и суровый край тебя любил,
Ты посвятил ему свои года
И весь отдался, не жалея сил.

Ирина Емельянова
в память о Ю.Ф.Нехорошкове
10 июля 2008 года.